

Ярослав Зуев

Три рэкетира

Триста лет спустя

Ярослав Зуев

Три ракетира

«Автор»

2002

Зуев Я. В.

Три рэкетира / Я. В. Зуев — «Автор», 2002 — (Триста лет спустя)

Вниманию читателей предлагается книга автора, буквально ворвавшегося на передовые позиции остросюжетного жанра. Книга, мгновенно завоевавшая любовь поклонников русскоязычного детектива в США, Израиле, Германии. Самородный шедевр остросюжетной литературы. Основой искрометного увлекательнейшего романа послужили «Три мушкетера» А. Дюма. Вот только лихая фантазия автора перенесла начало действия романа из Франции XVII века в столицу Украины 1993 года. Конечно же, в книге есть перестрелки и погони, захватывающие приключения и романтическая любовь. И в то же время это рассказ о нашей жизни, напоминающий, что живем в нелегкое, но интересное время. Молодой паренек, Андрей Бандура приезжает в столицу из глухого села, чтобы разыскать однополчанина отца, ставшего большим человеком. Однако сразу попадает в такой переплет, что впору волком выть. Перешел дорогу всесильному олигарху, провел ночь с женой криминального авторитета, от одного имени которого у всех поджилки трясутся. А на закуску, еще спутал карты полковнику милиции, сорвав тщательно спланированную операцию. Правда, приобрел и друзей, в лице... бригады рэкетиров. Что же ожидает Андрея и его новых товарищей: Атасова, Протасова и Армейца в безжалостном мегаполисе? А ждут их самые невероятные приключения. Лихие погони и кровавые разборки, самоотверженная верность и черное вероломство. Книга, завоевавшая признание за рубежом, впервые публикуется на родине автора.

© Зуев Я. В., 2002

© Автор, 2002

Содержание

Пролог	6
ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА	9
Глава 1	11
Глава 2	25
Глава 3	37
Глава 4	53
Конец ознакомительного фрагмента.	65

Ярослав Зуев

Три рэкетира

*Моей любимой половинке Лиличке,
без тебя этой книги просто не появилось бы
Ни об одной минуте не жалею,
Разве что о тех, когда тебя не было рядом*

Пролог

Дорогие Читатели. Здравствуйте. Разрешите предложить Вашему вниманию мой роман «Триста лет спустя».

Удивительная штука – жизнь. В детстве, а мое детство выпало на первую половину 70-х, мне, как, очевидно, и многим другим ребятам, моим сверстникам, случалось пробовать перо – писать фантастические рассказы (или исторические, или приключенческие – не в том суть), немного наивные, безусловно, но зато от души. Время то было беззаботным, для меня, по крайней мере. По телевизору смотреть было нечего (по большому счету, сейчас тоже нечего), вот и сиди с книгой в руках. Или с тетрадкой и ручкой. Стоял самый разгар Застоя, как его сейчас принято называть, но, поскольку мы об этом не догадывались, то вроде как не особенно тужили. Пару своих рассказов я даже планировал отправить в «Вокруг Света», это был мой любимый журнал, но так и не решился.

Потом детство закончилось, а взрослая жизнь положила конец моим литературным начинаниям. Так уж она сложилась.

Мне сорок лет. Я родился и вырос в Киеве. Окончил Киевский политехнический институт, работал в энергетике, служил в армии. В общем, всего понемногу. По образованию я – инженер атомщик. На рубеже 80-х и 90-х ушел с госслужбы – попытать счастья в частном бизнесе. Попытал. С моей стороны было бы преувеличением утверждать, что здорово преуспел на этом поприще и нахватал с неба бесхозных звезд. Зато насмотрелся всякого и много чего перепробовал. Не знаю, хорошо это или плохо, но вышло именно так, и ничего тут уже не поделаешь. Последние два года (если не считать 2002-го, в течение которого создавался роман) я командовал пилорамой, сушкой и небольшим столярным цехом. И идея родилась именно там, в цеху, причем, первоначально все началось с шутки. Даже не так. Все началось с того, что мне дороги «Три мушкетера».

Тут мне следует оговориться, что роман «Три мушкетера» был одной из любимейших книг моего деда, офицера-фронтовика, прошедшего всю войну. Частицу своей любви он передал и мне. Поверьте, в юности я зачитывал эту книгу до дыр.

И вот однажды в цеху, мы сидели на сосновых бревнах, я со своими ребятами, и курили в перерыве между двумя отгрузками. Совершенно неожиданно (точно не помню, как) разговор коснулся «Трех мушкетеров». И я предположил, что случись славному графу де Ла Фер материализоваться в нашем беспокойном времени, он, несомненно, явился бы в образе крутого бандита. Ну а кого еще? Растеряв благородные манеры, граф выучился бы держать пальцы веером, вместо «шпагу наголо, сударь, шпагу наголо...» или «...и эти слова мне по душе. От них за целую милю веет благородством настоящего дворянина...» выкрикивал бы нечто вроде: «отвечай за базар, лох», а не то «замочим конкретно». Вместо дуэлей граф забивал бы стрелки, врубал проштрафившимся предпринимателям счетчики, ну и так далее, в том же духе. Вы можете предположить, что мушкетеры вполне справились бы с ролями сотрудников силовых структур, в конце концов, рота королевских мушкетеров не что иное, как спецподразделение,

выражаясь при помощи современной терминологии. Возможно, что так и есть. Но, представить себе Атоса офицером УБОП, УБЭП, налоговой милиции или таможни я, как ни старался, не смог, так что сменить его мушкетерский плащ на камуфляж и черную маску у меня, честно скажу, просто не поднялась рука. И потом, мы говорили о начале 90-х годов минувшего столетия, когда места в силовых структурах еще не стали столь престижными, жаждущие нацепить погоны (пробиться к корыту) косяками в органы не ломались, и песни «о внутренних войсках» еще не складывали, слава Богу.

Ну а поскольку герои Дюма мало кого оставляют равнодушными, к Атосу немедленно добавилась Миледи – в облике бывшей «комсомольской богини», де Тревиль – криминального авторитета, и – пошло, поехало.

Вооружившись тем же вечером «Тремя мушкетерами», я переложил многие памятные с детства сцены на нынешний базарно-бандитско-депутатский сленг, и вышло, знаете ли, забавно. Хоть и не очень оригинально, принимая во внимание продающиеся на каждом шагу CD-диски замечательной кинотрилогии Джона Р.Р. Толкиена в переводе Гоблина «Братва и кольцо».

Могу предположить, что причина замечательного успеха наложения уголовного суржика на ленту о бескорыстных героях, благородных эльфах и безусловных злодеях (вроде Саурана с Саруманом) кроется в потрясающем контрасте между их миром, где черное есть черное, а белое – белое, и нашим, в котором границы размыты и порой не разберешься, где милиция, а где бандиты. Где пожарные, а где вымогатели, не всегда видна разница между политиками и казнокрадами, а понятие о чести стало абстрактной величиной из давно забытого школьного учебника.

Так вот все и началось. Хотя идея долго оставалась голой идеей. Она жила во мне, время от времени выбираясь на поверхность, но когда пилишь лес, сушишь доску до вожделенных 8-ми процентов влажности, а потом производишь из нее двери, наличники или подоконники, не до литературных изысканий.

И только в конце 2001-го я свернул дело, продал оборудование и засел за написание книги. Не могу сказать, что она давалась легко – одно дело идея, и совсем иное – попробовать сделать так, чтобы вымышленные персонажи стали объемными что ли, сошли с листов бумаги, заговорили своими голосами, да и много что еще. Пару раз думал бросить, но потихоньку сам привязался к своим героям, и, как говаривал Михаил Сергеевич, – процесс пошел. Пожалуй, не мне о том судить, но, на мой взгляд «граф де Ла Фер и его команда» довольно ловко прижились на нашей рыхлой почве образца 1993-го года, куда мое безжалостное воображение перенесло их из давно минувшего 17-го столетия, обрели родственников, друзей и знакомых. Более того, получили в нашем мире прошлое. Вот только с их будущим я пока затрудняюсь.

По мере развития событий я не раз отступал от сюжета «Трех мушкетеров», а порой уходил совсем далеко, хотя и старался придерживаться канвы. В общем, история начинается с того, что молодой парнишка, Андрей Бандура, выбирается из глухого села в столицу, в поисках лучшей жизни. В Киеве Андрей планирует разыскать Олега Правилова, некогда служившего в одном полку с его отцом, ныне отставным майором Бандурой. Приключения поджидают Андрея еще в пути, а когда он находит Правилова, то выясняется, что тот давно расстался с армейской службой, сделавшись криминальным авторитетом. Ну, и так далее. Похищение бриллиантов, полная опасностей поездка в Крым, конкурирующие криминальные кланы и, время от времени, бандитские разборки. Любовь и измены, надежды и разочарования.

Пару слов о жанре. Жанр я определить не берусь. Я ни в коем случае не планировал писать боевик о похождениях доблестного каперанга (морпеха или десантника на пенсии), сражающего одной пулей по пять зловредных супостатов. И сага о бандитах мне, поверьте, тоже не улыбалась. Если в книге и присутствует их – изрядное число, причем самых разных мастей, не

судите за это строго. Нынешние рэкетеры и олигархи к нам не Центральным разведывательным управлением заброшены. Они только вчера сидели с нами за одними партами и ездили в одних троллейбусах. Стояли на пионерских линейках и ходили в армейские наряды. Они невозможны без нас, как и мы, к несчастью, без них. Потому что они и мы – две стороны одной медали. Причем, как я уже говорил, кто на какой стороне, порой не понятно.

И, наконец, случись мне писать о людях, сумевших полностью абстрагироваться от нашей реальности, не окунуться в нее с головой или хотя бы ног не замочить – пожалуй, вышла бы долгая и унылая повесть о бесконечном сборе бутылок. В свете китайского фонарика.

Теперь еще об одном. Хотя бы несколько слов о мире, том самом, в который имплантированы мои мушкетеры, и, судя по всему, чувствуют себя как рыбы в воде. Ничуть не хуже, скажем, чем в далекую эпоху герцога де Ришелье. Этот мир заслуживает того, чтоб хоть немного о нем поговорить. Ведь мы в нем живем. Вышло так, что по прихоти судьбы (или, может, волей большого колеса, вращающего Мироздание в неведомую нам сторону), мы оказались на сломе эпох, что ли. Старая, Советская канула в лету, мир стал иным. Случись нам с Вами быть замороженными в ходе американских криогенных экспериментов году эдак в 82-м, и открой мы глаза сейчас – то, пожалуй, и родных улиц не узнали. Хотя времени прошло – всего ничего. Если бы мне кто в толпе первомайских демонстрантов (каюсь, ходил, было дело, зарабатывая два кровных отгула к отпуску) сказал, что доведется, с дипломом инженера-атомщика в кармане прожить годы, последовавшие за финалом перестройки так, как я их прожил, я бы покрутил у виска. Готов признать, что в то время я был недостаточно дальновиден. Предполагаю также, что в своей близорукости я был не одинок.

Мы получили возможность переосмыслить прошлое. Многое вызывает неприятие, от чего-то становится не по себе, но есть в нем и нечто, от чего щемит сердце, а в душу приходит сладкая грусть. Это ведь наше прошлое, и оно живет рядом с нами, пока живем мы.

Как я уже говорил, я не планировал превращать «300 лет спустя» в криминальную хронику становления и многогранной деятельности рэкетирской группировки Виктора Ледового (имя, естественно, вымышленное), оперировавшей в столице Украины на рубеже восьмидесятых и девяностых годов уже сделавшегося достоянием истории столетия. Таких целей я не преследовал. Полагаю, что процессы, проистекавшие в то время, (как, впрочем, и те, что мы имеем несчастье лицезреть сейчас), рано или поздно привлекут внимание пытливого исследователя, вооруженного куда большим арсеналом знаний и средств, чем тот, что был под рукой у меня. Думаю, вышеупомянутые процессы заслуживают самого глубокого изучения.

Я же таких целей не преследовал. Меня занимали люди, встреченные Андреем Бандурой (я бы не сказал, что он главный герой, хотя, безусловно, на это претендует) по воле Провидения, их судьбы, их прошлое, их настоящее и будущее. И, конечно же, судьба самого Андрея, преломившаяся среди них подобно лучику света, минуящему многочисленные и самые разнообразные линзы.

А справился ли я с задачей, не мне о том судить.

Первоначально я планировал назвать роман «Три рэкетира». Впоследствии мой сын Саня предложил переименовать рукопись в «300 лет спустя». В результате компромисса роман обрел рабочее имя «Три рэкетира или 300 лет спустя», затем «300 лет спустя или три рэкетира», и, наконец, «три рэкетира» отпали сами собой. Хотя искушение вернуть их обратно и преследует меня – время от времени. Ведь с них, по большому счету, все и началось.

Ярослав Зуев

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Ледовой Виктор Иванович – криминальный авторитет, лидер исключительно мощной столичной организованной преступной группировки, служащей криминальной крышей десяткам самых разнообразных предприятий. В прошлом – уголовник, вор-рецидивист.

Анна Ледовая – супруга Виктора Ледового, нимфоманка и наркоманка. В прошлом швея-мотористка фабрики «Красный текстильщик» и бывшая валютная проститутка.

Правилов Олег Петрович – ее родной дядя, шеф службы безопасности в группировке Виктора Ледового. Бывший полковник ВДВ, ветеран Афганистана. Собственно, именно племянница и втянула Олега Правилова в преступный бизнес, когда он вылетел из армии в конце 80-х.

Поришайло Артем Павлович – олигарх, финансовый партнер Ледового. В прошлом партийный функционер, начальник управления делами столичного горкома КПСС.

Украинский Сергей Михайлович – полковник экономической милиции, в прошлом офицер КГБ, при Юрии Андропове направленный на работу в МВД. Служит Артему Поришайло.

Мила Кларчук – бывшая секретарша (а затем и инструктор) Симферопольского горкома ВЛКСМ. Служит Поришайло.

Кристина Бонасюк – кума и близкая подруга Анны Ледовой. Некогда в общежитии рабочей молодежи делила с Анной одну комнату, а иногда и постель. Крестная мама малолетнего сыночка Анны. Авантюристка.

Бонасюк Василий Васильевич – ее муж. Владелец частной сауны. Шантажист. Смонтированная в его сауне записывающая аппаратура дает много интересного, и давно себя окупала. Бывший преподаватель КПИ. Знакомые зовут Бонасюка Вась-Васем.

Бандура-старший – майор ВДВ в отставке. Ветеран войны в Афганистане и бывший однополчанин Олега Правилова. Ныне пасечник. Не преуспевает. Проживает в селе Дубечки Винницкой области. Отец Бандуры-младшего.

Атасов Александр – бывший советский офицер, выпускник КВОКУ. Последнее место службы – Группа Советских войск в Германии. Ныне бригадир в группировке Виктора Ледового. Алкоголик.

Протасов Валерий – бывший боксер, выпускник Киевского инфиза, мастер спорта, тренер детско-юношеской спортшколы, затем, последовательно, кикбоксер, вышибала в баре, уличный кидала на золоте. Уроженец города Припять. Ныне рэкетир в бригаде Атасова. Болтун и бабник.

Армеец Эдик – его одноклассник. Бывший учитель истории. В настоящее время член группировки Виктора Ледового. Страдает заиканием.

Бандура Андрей – молодой человек восемнадцати лет. Единственный сын Бандуры-старшего. Едет из Дубечков в столицу.

Вольна Вовчик – житель города Цюрюпинска. Служил срочную с Протасовым. Он и Протасов зовут друг друга земами.

Гримо – бультерьер Атасова. Добродушный и храбрый, хотя немного и избалованный пес.

Бонифацкий Вацик – авантюрист и мошенник. В прошлом комсомольский вожак районного масштаба, в будущем (недалеком) основатель и президент ОАО «Наше будущее», построенного по принципу финансовой пирамиды. Любовник Анны Ледовой. Для своих Боник.

Витряков Леня по кличке Огнемёт – криминальная крыша Бонифацкого. Главарь малочисленной, но очень опасной бандитской группировки, действующей на ЮБК.

Филя Шрам – палач из банды Витрякова. Беспредельщик и психопат. Вся рожа в шрамах.

Кларчук – легендарный беспредельщик из банды братьев Кларчуков, терроризировавшей полуостров в самом конце восьмидесятых. Сводный брат Лени Витрякова по прозвищу Огнемёт и муж Милы Кларчук. В настоящее время уже покойный.

Вардюк и Любчик – крымские гаишники. Служат Артему Поришайло.

Чёрный Свитер с дружками – местные наркоманы, готовые практически на все.

Следователь и Его Близнец – подручные полковника Украинского.

Сержант Задуйветер – честный милиционер из Гробарей.

Каминский Евгений – единственный друг Виктора Ледового. Он, возможно, стал бы замечательным художником. Только не судилось ему. Убит на воинской службе поздней осенью 68-го года

Тренер – большой почитатель восточных единоборств. Подельник Виктора Ледового. На рубеже 80-х и 90-х годов «правая рука» Виктора Ивановича в банде. Убит кавказцами ранней весной 91-го года.

Мазаренко Павел Иванович – бывший председатель колхоза. Ныне руководитель районного совета. Стремительно идет вверх. В книге не появляется (пока).

Другие граждане бывшего Советского Союза

Время действия – поздняя весна – самое начало лета 1993 года

Глава 1

ПАССАЖИР С ЗОЛОТОЙ «ГАЙКОЙ»

Как это часто бывает весенним днем, фиолетовые гроззовые облака, с утра вражеской эскадрой маячившие на горизонте, к обеду перешли в решительное наступление. Первые крупные капли оборвались с неба и забарабанили по ветровому стеклу. Через секунду машина въехала в полосу дождя. Андрей Бандура (за рулем) включил дворники, толкнул кнопку прикуривателя, зубами сорвал целлофановую обертку красной «Магны», вытащил сигарету и уложил в правый угол рта. Не вдаваясь в законы человеческой природы, управляющие самоубийственной тягой курильщиков к табаку, можно смело утверждать, что дальняя дорога и шум мотора эту тягу усугубляют. А когда вокруг непогода, а вы проноситесь сквозь нее, защищенные салоном и согретые автомобильной печкой, то просто превращаетесь в существо, буквально питающееся никотиномуквально питающееся.

Так вот. Отцовская «тройка» – ВАЗ 2103, ярко-желтого цвета (недоброжелатель, пожалуй, помянул бы канарейку, но Андрей машину любил) неумолимо катила вперед. Километр за километром исчезали под ее капотом, вновь появлялись уже позади и растворялись в туманной дымке. Путешествие подходило к концу – вдоль дороги поплыли столичные пригороды, едва различимые за пеленой дождя. Пять сотен километров отделили Андрея от родного дома в Дубечках – крохотного села, затерявшегося на просторах Винницкой области. Пять сотен, пройденных – вопреки мрачным ожиданиям Андрея – без существенных поломок. *«Все-таки прав был батя, опять он был прав»*, – с теплотой подумал Андрей.

* * *

– Бери, сынок. Хоть мы ее и убили здорово, тягая прицепом по десять улычков за раз, через эти чертовы колдобины, с гречихи на акацию и обратно, но тебе еще послужит. Кольца я новые поставил, ходовая в порядке, шины до зимы побегают... Масло менять не забывай, вот и весь сказ...

– Батя, тебе же одному тяжело будет, с пасекой, с хозяйством... – завел старую пластинку Андрей, – и потом, как ты без колес-то?..

– Вот что, – Бандура-старший положил натруженную руку на плечо сыну, – вот что, парень, – мы все уже обговорили. Тяжело, легко – нечего тебе тут горбатиться. Успеешь еще... Я из дома таким как ты уехал...

– Ты в училище ехал...

– Ну... – отец потрепал сына по затылку, – куда мог, туда и уехал. Ты, между прочим, тоже – не на голое место выбираешься... Ты вот что, Андрей, письмо Правилову из бардачка заberi, лучше положи в права, а то вытащат еще.

– Будет сделано. – Андрей взял под козырек.

– К пустой голове руку не прикладывают... – отец хмуро посмотрел на часы. – Ну, давай, с Богом. Пора ехать, сын. – С этими словами Бандура-старший расстегнул браслет и вручил часы Андрею. – На вот. Куда в столице без часов?..

В этот момент, в момент расставания, Андрей увидел отца как бы со стороны. Будто не разлучались они надолго, а напротив – встретились после долгой разлуки. Отец выглядел неважнецки. – *«Он так здорово сдал, а ты даже не заметил этого»*. Поседел, сморщился, да что там говорить, попросту ссохся.

«Так выглядит абрикос, из которого на чердаке делают урюк, чувак». – Сообщил Андрею его же внутренний голос. Внутренний любил время от времени выдать какую-то гадость, водилось за ним такое, и Андрей об этом знал.

«Не смей так об отце говорить!» – одернул себя Андрей.

«Я не говорю, – я думаю»... – возразил внутренний.

Андрей обнял отца, – суетливо, как бы боясь показать, насколько он ему дорог, но, вопреки всем стараниям, таки шмыгнул носом.

– Вот только сырости нам и не хватало, – отец подтолкнул сына к машине, но голос дрогнул и у него. – Давай, трогай, сынок. Как за околицу выедешь, так сразу и отпустит. Я по себе знаю.

Андрей нырнул в салон и провернул ключ в замке зажигания. Уже в конце улицы обернулся, кинув на усадьбу прощальный взгляд. Отца он не разглядел. То ли не заметил, то ли отец зашел в дом.

* * *

В их старый дубечанский дом («еще мой прадед строил», – похвастал как-то отец) Андрей впервые приехал с мамой. Андрюше тогда и пяти не было. Случилось это на исходе 70-х, когда отец убыл в Афганистан (хотя никто об этом не знал), а они с матерью поселились тут, в доме родителей отца. Мать устроилась в библиотеку. Она всегда подрабатывала в библиотеках военных частей, где доводилось служить отцу. Мама получила работу, они осели в Дубечках.

Через год отец приехал в отпуск. Его лицо почернело от загара, волосы заметно выгорели.

Человеческая память избирательна. Мозг, накапливая в себе всю поступающую на протяжении жизни информацию, оставляет доступными сознанию лишь отдельные, выхваченные из прошлого сюжеты. Так, ваше падение с велосипеда, случившееся в детстве, – вы еще и в школу-то не ходили, – воспроизводится примерно так: короткий полет к земле, удар, звон велосипедного сигнала, треск рвущихся об асфальт шорт, резкая боль и горькие слезы обиды. Но нет таких попыток, чтобы заставить вас припомнить, какое было число, день недели или что в то утро ждало вас в вашей тарелке на завтрак. Творог со сметаной или клубника с молоком?

Однажды, погожим осенним днем вылетев во двор вместе с вопящими одноклассниками, Андрей увидел отца. Ветер лениво тягал по двору ворох опавших желтых листьев, отец скромно сидел на вкопанной перед цветником трубе. Андрей не поверил глазам. Замер, затаив дыхание, на секунду, а потом бросился к отцу, раздираемый восторгом и огорчением одновременно. Восторгом оттого, что очень скучал. Как ни приятно, конечно, с гордостью твердить друзьям: «мой папа сражается с басмачами», (по определению деда), – отца разговорами не заменишь. А огорчением потому, что Бандура-старший, своей клетчатой рубашкой, джинсами и старыми кроссовками разрушил взлелеянную детским воображением картину: – фуражка с высокой тульей, звезды на погонах, орденские планки и хрустящие яловые сапоги, «*причемобязательно подкованные*». Иногда к этой внушительной сцене добавлялся взвод автоматчиков и даже парочка танков. А в действительности...

Вечером того же дня, а может, в один из наступивших вскоре вечеров, мама уложила Андрея в кровать и подоткнула одеяло. Мама всегда так делала, пока ему не стукнуло двенадцать, а то и больше. Она решительно выключила свет, не слушая никаких отговорок, «*еще минуточку поиграть, почитать, досмотреть по телику клевый-преклевыи фильм про войну*»...

Дом погрузился в сон, и только сверчки еще по-летнему надрывались, хотя к ночи уже становилось зябко. Андрюша маялся в постели, сон упорно не шел. Привлеченный приглушенными голосами, он выглянул в окно. Отец и дед курили на полутемной веранде. Огоньки сигарет мерцали как светлячки.

«Вот это номер». – А Андрей думал, что дед бросил лет тридцать назад, сразу после войны.

Между дедом и отцом стояла бутылка, уже наполовину пустая. Свет тщедушной переноски разбрасывал по двору призрачные тени. Вокруг лампы вились мотыльки; отец с дедом, склонившиеся друг к другу, походили на двух заговорщиков. Разговор велся вполголоса, до Андрея долетали одни невнятные обрывки фраз, так что он ничего не понял. Он и не стремился понять, подслушивать вообще нехорошо, но голос отца – глухой, надломленный и какой-то чужой – запомнился ему навсегда. Перепуганный Андрей отпрянул от окна и с головой укрылся одеялом. В ту ночь он еще долго не мог уснуть.

Та давно ушедшая осень запомнилась Андрею еще одним событием, куда более веселым, – они с отцом отправились сначала автобусом, а потом на настоящем поезде в Киев, в магазин с несерьезным названием «Березка». ¹ Солидная приставка *инвалютный* каким-то загадочным образом делала «Березку» недоступной большинству сограждан. Зато перед ними двери магазина распахнулись, так что домой отец и сын возвратились в новеньких, пахнущих заводской краской «Жигулях» третьей модели.

– На эти педали еще никогда не наступала нога человека! – улыбнулся Бандура-старший. Чувствовалось, что покупкой отец доволен. Цвет машины был ярко-желтым, в салоне стоял аромат нового дермантина. Андрей пребывал в восторге. Он подозревал, что это знаменательное событие в родном селе запомнилось не только ему одному.

Еще через пару лет Бандура-старший получил распределение в Южную группу войск, а проще говоря, в Венгрию. По обрывкам родительских разговоров, временами перераставших в баталии, Андрей знал и об альтернативе – полковничьей должности в Забайкальском военном округе. Отец склонялся к Забайкалью (вот он, унылый мужской прагматизм в чистом виде), но Будапешт, Балатон и мольба в глазах жены – *«пожить, хоть немного, по-человечески»* в конце концов, взяли верх. Они переехали в Венгрию.

Хорошее не длится долго. Или, сколько б оно не длилось, когда-то заканчивается. К началу девяностых Союз превратился в одноименную титаническую орбитальную станцию, по частям падающую на землю вместе со всем экипажем. Советские армии выкатывались из Европы, но если кто и ловил жирную рыбку в взбаламученной воде, то только не майор Бандура. Они вернулись в Дубечки, выбора, в общем-то, не было. «Родовое гнездо» встретило их заколоченными ставнями и зарослями сорняков во дворе. Дом три года простоял заброшенным после смерти деда в 87-ом.

Андрей вернулся в родную школу, только теперь в выпускной класс. Двор, школьные коридоры, повзрослевшие физиономии былых дружков и постаревшие лица учителей превратились для него в одно бесконечное «дежа вю». ²

Мама занялась хозяйством, которое пребывало в запустении. Отец взялся за бутылку, самоубийственный, по сути, инструмент, но, очевидно, других в его арсенале не осталось. Горечи и непониманию, вынесенным из развала Армии и Страны, отставной майор противопоставил дедовский самогонный аппарат. Отец начинал с вечера, коротал со стаканом ночь и уже с утра блуждал в гиблом алкогольном тумане. Жена и сын были в ужасе, но поделать ничего не могли. И тогда мать Андрея стала инициатором приобретения пасеки. *«И для здоровья полезно, и жить ведь как-то надо»*... Последняя венгерская заначка улетучилась, а они стали владельцами трех десятков ульев, каждый на две пчелиные семьи. И отец пошел на поправку. Произ-

¹ Инвалютные магазины «Берёзка» появились в середине 1960-х, они принадлежали Всесоюзному объединению «Внешпосылторг» Министерства внешней торговли СССР. Работали только в крупных городах, Москве, Ленинграде, Киеве, Минске. Прекратили существование в 1988 году по постановлению Совмина СССР. Здесь и далее примечания автора

² «Deja vu» в пер. с фр. означает «уже видел». Вразумительного объяснения феномена нет. Эзотерики объясняют явление реинкарнацией, утверждая, что это – воспоминания из прошлой жизни. Некоторые Физики говорят, что дежа вю – сбой во времени, когда прошлое, настоящее и будущее происходят одновременно, но это, естественно, только предположение

вел ревизию сиротевшим в сарае «Жигулям» и взялся мастерить прицеп. Тут следует добавить, что руки у Бандуры-старшего росли, откуда им и положено.

А еще через полгода, когда жизнь едва начала налаживаться, аневризма, с которой мама жила неизвестно, сколько лет, убила ее прямо на пасеке.

* * *

Дождь прекратился внезапно, словно кто-то наверху перекрыл здоровенный кран. Андрей приподнял ногу с педали газа, скорость упала до шестидесяти. Следовало проявлять осторожность. На подступах к столице автоинспекция не дремлет, помогая утратившим бдительность водителям облегчать карманы. В положении Андрея было неразумно разбрасываться деньгами, собранными в дорогу с невероятным трудом.

– Сынок, – сказал Бандура-старший, вручая Андрею гнетуще тонкую пачку, – вот десять тысяч карбованцев. И у нас-то не Бог весть что, а для Киева – так и вовсе гроши, но это все, что мне удалось наскрести. Бензина у тебя – полный бак да канистра в придачу. Как доберешься, найдешь Олега Правилова. Он должен помочь. – Отец наморщил лоб, – жаль вот только, – не дозвонился до него, когда был в районе.

Это была их общая идея – Андрею выбираться в Киев к бывшему сослуживцу отца по Афганистану, полковнику (а то и генералу) Олегу Петровичу Правилову, который, по слухам (*по данным разведки*) пробился в люди то ли в бизнесе, то ли на государственной службе – невелика, в общем-то, разница.

– Мужик он хороший, – отец потер кулаком щетинистый подбородок, – просто вытащил лотерейный билет немного симпатичнее моего...

Они сидели на пасеке. Вечерело. Последние, запоздалые пчелы (главные трудоголики или бездельники – их, пчел этих, не поймешь), громко гудя, добирались до ульев и исчезали в летках.

– Батя, а ты?..

Бандура-старший глубоко затыкнулся, выпустил сизое облако дыма через нос и решительно раздавил окурок в пепельнице.

– Да нет, с меня этого балета хватит, – он печально взглянул на Андрея, – и потом, сынок, на кого, интересно, я брошу пчел?..

* * *

В пути Андрей притормозил у придорожного базара, потратившись (можно даже сказать, пустив первую кровь, драгоценным отцовским карбованцам) на две пачки красной «Магны» и пластиковый стаканчик кофе. К кофе Андрей пристрастился в Венгрии.

«Добровольно вступаю в армию кофеманов и торжественно клянусь служить корпорации „Нестле“ верой и правдой, пока инфаркт либо цирроз печени не разлучат нас», – съязвил внутренний голос Андрея.

«Про „Филипп-Моррис“ забыл»... – огрызнулся Андрей.

Сумка с продуктами, захваченными из дому, покоилась на заднем сидении машины, а разнообразные искушения в виде чебуреков, пирожков и заварных пирожных Андрей преодолел чудовищным усилием воли. Отказав себе в чебуреках, – *«под томатный сок, ммм... – Боже, какая ошибка!..»*, – он тем более не намеревался поддерживать штаны местным гаишникам. Потому утроил бдительность. Или даже учетверил. Мимо проплыл дорожный знак:

ГРОБАРИ

Сосредоточив внимание на переднем секторе обзора, Андрей совершенно забыл о зеркалах заднего вида. И зря. В них устрашающе быстро приближалась черная «БМВ», еще издали нетерпеливо сверкавшая фарами.

Тут, пожалуй, следует сделать оговорку. Справедливости ради нужно признать, что на манеру вождения многих шоферов с периферии – стоит им угодить в крупный город – начинает влиять какая-то неведомая сила, неудержимо влекущая на осевую. Часто дело обстоит таким образом, что заставить их переместиться правее, ближе к обочине, оказывается по плечу далеко не каждому участнику дорожного движения.

Впрочем, водитель «БМВ», быстро утратив терпение, – если это человеческое качество вообще было ему знакомо – ударил по клаксону, и, не сбрасывая скорости, а напротив, даже прибавив, устремился на обгон справа. Бандура, успевший краем глаза заметить разве что промелькнувшую позади тень, крутанул руль в ту же сторону. В следующую секунду уши заполнили скрежет рвущегося металла и пронзительный визг тормозов. Серебряным фонтаном брызнули стекла.

Звук автомобильной аварии трудно с чем-либо спутать. Он короток, как выстрел, он полон вырвавшейся на свободу энергии. Он страшен, потому что означает уже случившуюся беду. Сколько бы не бились звукооператоры, пытаясь придать реалистичность саундтрекам остросюжетных фильмов, мы сидим перед телевизором без опасения схлопотать инфаркт – звук все равно не тот.

* * *

– Ни хрена себе! – Старший сержант Задуйветер загреб пятерней волосы, смахнул на пол фуражку и даже не заметил этого. – Ну, и ни хрена себе!

Они с напарником – Задуйветер за рулем патрульной «пятерки», а напарник на сидении пассажира – уже минуты две, как срисовали приближающуюся на большой скорости крутую иномарку и прикидывали в уме, – *«тормозить, типа, или нехай прет себе наКиев, от греха подальше»*. Когда расстояние до иномарки, – *«кажись, „БМВ“, а?..»* – сократилось метров до двухсот, а Задуйветер, нашаривая жезл, кряхтя лез из кабины, – решились все же остановиться, – «БМВ» врезалась в идущую впереди желтую «тройку», и машины закружились по дороге, будто обезумевшие фигуристы.

* * *

Андрей вцепился в руль и что есть силы, нажал на тормоз. Движение безнадежно запоздало, он и сам понимал это.

«Твою мать! Вяпался! Ах, елки-палки. На последних долбаных километрах!»

Справа, двигаясь по какой-то невероятной траектории, пролетела иномарка. Лица за затемненными стеклами вроде бы что-то кричали, но ничего слышно не было. Потом «БМВ» унесло куда-то вбок, из поля зрения Андрея. «Тройку» развернуло на сто восемьдесят градусов, и она застыла у обочины.

Первой жертвой аварии стала пара гусей, облюбовавшая придорожную лужу. Лужа по размерам напоминала скорее небольшое озеро, и гуси бороздили его гладь с грацией приrozenных лебедей. Потерявшая управление иномарка вылетела с дороги и накрыла их своим днищем. Преодолев водную преграду в вихре брызг, «БМВ» замерла, остановленная телеграфным столбом.

Как часто бывает в таких случаях – вокруг повисла гробовая тишина.

Первым, что привлекло внимание Андрея, когда он с трудом выбрался из машины, ноги подгибались и не желали служить, был десяток продавщиц придорожного базарчика. Торговки

в молчании застыли у ведер с овощами и фруктами. Изваянные в белом мраморе, они сделали бы честь любому позолоченному фасаду какой-нибудь выставки достижений народного хозяйства. В советские, разумеется, времена.

Андрей рассеянно огляделся. «Бимер», словно пораженный матадором бык, лежал посреди лужи, уткнувшись носом в массивный телеграфный столб. Антифриз вырывался из-под покрашенного капота с шумом небольшого гейзера. Картина напоминала панораму катастрофы тунгусского метеорита, изготовленную в масштабе для областного музея природоведения.

Отдадим должное Андрею. Забыв об острой боли в ноге и даже не подумав оценить повреждения, полученные отцовской «тройкой», он бросился к иномарке.

Практически все пространство салона занимали сработавшие подушки безопасности. Андрей дернул водительскую дверь, но та не поддавалась – заклинило; дернул снова и крикнул противоестественно тонким фальцетом:

– Ребята, помощь нужна!? – Нелепый вопрос, но как раз из тех, что почему-то звучат при авариях. Из салона донеслась приглушенная нецензурная ругань. Правая дверь начала открываться, сначала одна нога – в носке, потом другая, обутая в дорогой ботинок, поочередно плюхнулись в лужу. Андрей в три прыжка обогнул «БМВ» и успел подхватить рослого, средних лет мужчину с белым, как простыня лицом, на котором пережитый страх уступал место ярости.

– Сейчас тебе, мудила, помощь потребуется... – замогильным голосом сообщил пассажир иномарки. Кожаная куртка, не из дешевых, была расстегнута нараспашку, кровь толчками покидала крупный нос, покрывая причудливым узором галстук и лацканы двубортного пиджака. Несколько секунд пассажир и Андрей стояли, обнявшись, будто два пьянчуги после вечеринки. Бандура не решался отпустить пассажира, качавшегося, как тополь на ветру. Неожиданно мелькнул кулак, и Андрей отпрянул, схватившись за челюсть:

– Ай!..

– Хорек тупоголовый! – пассажир двинулся на Бандуру, яростно сжимая кулаки. На правом сверкала золотая «гайка», величиной с небольшой скворечник. Второй удар пришелся в пустоту, Андрей всем корпусом уклонился вправо, в душе благодаря отца, открывшего для него лет эдак с десять назад удивительный мир рукопашного боя. Двигаясь вслед своему кулаку, пассажир потерял равновесие и рухнул в грязь, словно срубленный дуб.

В следующий момент спутники пассажира с золотой «гайкой» наконец-то выбрались из «БМВ» и бросились на Андрея. Оба были одетыми в спортивные костюмы здоровяками, с лицами, не тронутыми интеллектом. Под градом ударов Андрей попятился, пока не оказался в луже.

– Мужики! Да что вы делаете?! – отчаянно завопил Андрей.

Если его крики и подействовали на «спортсменов», то лишь раззадорили. Они жаждали крови. Андрей ее не хотел. Только что он сидел в уютном салоне, курил сигарету и строил воздушные замки. И вот уже все пошло наперекосяк. И не отмотаешь обратно, словно кассету в видеке, и не проедешь другой дорогой.

– Прекратите, ребята! – снова выкрикнул Андрей, но молодчики его не слушали. В тупых глазах спортсменов он читал смертный приговор.

Бешенство охватило Андрея, ноги дрогнули, будто через них прошел ток, в животе на одну секунду очутилась свинцовая гири. Чудом избежав совершенно убийственного аперкота, (попади кулак в цель, все было бы кончено), Андрей ответил прямым, вложив в удар вес собственного тела. Кулак угодил в подбородок, сразив бугая наповал. Очень кстати, надо признать, потому как второй «спортсмен», ничуть не смущенный потерей напарника, попер на Андрея, как бульдозер. В ходе последовавшего короткого поединка Бандура получил возможность удостовериться, что занятиям кикбоксингом его противник уделял намного больше времени, чем, к примеру, шахматам. И все же Андрею удалось с ним справиться. Здоровяк попался на контр-

атаке, пропустив увесистый пинок в солнечное сплетение. Сложился пополам и ввалился спиной в открытую дверь своей машины.

Точку в схватке поставил пассажир с золотой «гайкой». Пока Андрей праздновал победу, он подкрался сзади и предательским ударом, пистолетом по уху, отправил его в глубокий нокаут.

* * *

Всю дорогу из Крыма полковник УБЭП Сергей Украинский так и не сомкнул глаз. Закрепленные за ним два амбала в спортивных костюмах, не то водители, не то телохранители, менялись за рулем, отдыхая по очереди, а он, абстрагировавшись от окружающего, думал о задании, ожидающем в столице. И чем больше думал, тем меньше оно ему нравилось.

В Крыму Украинский провел блестящую операцию, в результате которой трудовой коллектив одного из лучших пансионатов полуострова передал свои акции оффшорной компании Афанасиса, зарегистрированной под безоблачным небом острова Кипр. Тем вечером Украинский даже позволил себе немного расслабиться, посидеть в шезлонге с бутылочкой пива, удовлетворенно осматривая новые владения и раздумывая о звериной сущности коммунистического режима, лишившего человека радости обладания частной собственностью. За мраморной балюстрадой, очевидно, еще сталинской постройки, колыхались верхушки тропических деревьев, названий которых Украинский не знал, а потому обобщенно окрестил пальмами. Сквозь сочную и пахучую зелень проглядывала изумрудная чаша Черного моря, в мае еще холодного но все равно такого прекрасного. Украинскому даже представились группы совслужащих, кто в широкополых шляпах и белых парусиновых штанах – *«или что там еще носили в 30-е?»*, – а кто и в гимнастерках, украшенных шпалами и ромбами, – *«почему бы и нет?»* Совслужащие, плотно поужинав, спешили в летний кинотеатр на александровскую «Волгу-Волгу».³ Многие волокли с собой одеяла – не потому, что холодно, а оттого, что скамейки деревянные.

Украинскому давно пора было набирать телефонный номер Артема Павловича Поришайло, человека, без вмешательства которого все эти пальмы были бы также далеки от полковника, как звезда Бетельгейзе в созвездии Ориона. Но бывают моменты, когда хочется запустить мобильником в море, вырвать телефонные провода, а въездные ворота заварить автогенном. При этой мысли губы Украинского расплзлись в счастливой улыбке, впрочем, сменившейся гримасой, когда на поясе запиликал телефон.

– Сергей Михайлович?

– Здравствуйте, Артем Павлович. А я как раз ваш номер набираю. У меня все решилось нормально.

– Знаю, – нетерпеливо перебил Поришайло. – Сергей Михайлович, мне нужно, чтобы завтра, между шестнадцатую и семнадцатую ноль-ноль ты был в Гробарях, гм, под Киевом. Там ты встретишься с Милой Сергеевной... Она передаст инструкции касательно решения проблемы, которую мы с тобой, г-гм, уже обсуждали. Место встречи – возле почты. Желаю, гм, удачи... – динамик выдал короткие гудки, – Поришайло прервал связь.

Цепляя телефонную трубку к поясу на объемистой талии, Украинский досадливо поморщился: *«Стоит вам отрастить мало-мальски приличный живот, как ваш телефон начинает выскакивать из штанов, как черт из табакерки, при каждой попытке занять сидячее положение»*.

Артема Павловича Поришайло Украинский знал давно, и если Артем Павлович (умевший по-военному четко ставить задачи) говорил: *«мне нужно, чтобы завтра...»*, то следовало

³ Кинокомедия режиссера Г.Александрова (1938). В ролях А.Тутышкин, В.Санаев, Л.Орлова и др.

изымать «спортсменов» из бара, заправлять полный бак и в полночь садиться в машину. А если Артем Павлович перемежал речь глухим утробным «г-м, г-гм», – то ли бульканьем переполнявших его эмоций, то ли хрипом, то ли рычанием, точного ответа Украинский не знал, то темпы следовало удвоить. А то, гм, и утроить. В этом Украинский не сомневался.

* * *

Судьба свела Украинского с Поришайло в далеком и тревожном 1983-м году, когда занявший кресло генсека Юрий Андропов начал на партийном олимпе охоту за скальпами номенклатурщиков самого высокого ранга. Начальники главков, министры и даже члены ЦК потянулись на Лубянку унылыми тропами, заросшими бурьяном со времен товарища Сталина. Ночи длинных ножей, устраиваемые Юрием Владимировичем оппонентам, сотрясали советскую пирамиду до основания, отдаваясь угрожающим гулом в самых глухих ее уголках. В бесчисленных кабинетах сидели начальники и вибрировали от тошнотворного страха (в большинстве случаев не зря). Кое-кого засасывало в угрюмые подвалы, иные мощными толчками забрасывались наверх.

Случилось так, что раздутым Андроповым ветром перемен, Артем Павлович Поришайло, недавний выпускник высшей партийной школы, оказался занесенным в кресло первого секретаря Октябрьского райкома столицы советской Украины. Капитан госбезопасности Украинский, до недавнего времени коротававший суровые чекистские будни в поисках диссидентов, попал на должность заместителя начальника Октябрьского РОВД: Андропов громил милицейскую вотчину Щелокова,⁴ и офицеры МВД вылетали с постов как пробки из бутылок, заменяясь прибывающими на усиление чекистами.

У товарища Поришайло не вызывала восторга (по наблюдениям товарища Украинского) сталинская методика ротации кадров, в которую товарищ Андропов вдохнул новую жизнь. Уж очень от нее пахло 37-м годом.

Но соображения эти Поришайло, по понятным причинам, предпочитал держать при себе. Дул попутный ветер, оставалось только ставить паруса. По району покатались милицейские облавы, прогульщиков настигали в кинотеатрах или выволакивали из пивбаров: «Добрый день, почему не на работе, документики, пожалуйста». Ужесточение паспортного режима, беспардонные проверки на улицах и кордоны «народных контролеров» на подступах к большинству учреждений (детсады не в счет) стали «приятной» неожиданностью для горожан, за тридцать лет более-менее спокойной жизни отвыкших от законов военного времени.

Впрочем, все то были цветочки. Настоящая борьба (со стрельбой, убийствами и расстрельными приговорами) развернулась в экономической плоскости, где Андропов предпринимал последнюю попытку либо сокрушить теневую экономику, либо подмять ее под себя. Шансов на победу у него не было, – вместо одной отрубленной головы выростали три новые, а вот наломать дров он мог. Поришайло, новый человек в районе, ощущал острую нужду в своих людях, в первую очередь – в силовых структурах, как сейчас принято говорить. Ему на глаза попался Сергей Украинский.

Узнав из передовицы «Правды» фамилию нового генсека, капитан госбезопасности Сергей Украинский испытал глубокое удовлетворение. Наконец-то, впервые за шестьдесят с лишком лет советской власти, у руля государства встал шеф тайной полиции. По мнению Украинского, в стране давно следовало навести порядок. Разобраться с расплодившимися повсюду взяточниками, казнокрадами, барыгами, болтунами, блатными, с рокерами, с панками, с прогульщиками, наконец. Список был длинным. Про Андропова говорили, что, мол, этот может.

⁴ Щелоков Н.А. (1910–1984), генерал армии, министр внутренних дел СССР с 1966 по 1983 годы, свояк Л.Брежнева. После смерти генсека покончил с собой

Однако последовавший вскоре перевод в МВД, пусть и с повышением в должности и звании, вызвал у Украинского шок. К встрече с уголовным миром новоиспеченный майор милиции был не готов. Он искал точку опоры, поглядывая то под ноги, то по сторонам, то вверх. В общем, Поришайло и Украинский были занесены ветром перемен в Октябрьский район практически одновременно и вскоре нашли друг друга.

Горбачевскую перестройку Украинский встретил настороженно. Не худшая реакция для человека, разменявшего пятый десяток. Причем половину жизни тянувшего ляжку в органах. Отправляясь двадцать лет назад, с легкой руки особиста погранотряда, где он служи срочную, в училище КГБ, в Москву, Украинский видел свое будущее наперед, до самых теплых кальсон к пенсии, и это его вполне устраивало. Не все, к счастью, рождаются «сотрясателями вселенной», как некогда монголы величали Чингиз-хана. Украинскому хотелось дожить до старости, имея ноги в тепле, кусок мяса в животе и крышу над головой. Совершенно нормальная жизненная позиция, отражающая целиком понятное стремление к нормам западного социального страхования, только вывернутая на советскую изнанку.

Опустевшие в ходе перестройки прилавки магазинов Украинского не смущали. После войны и похуже бывало, и ничего, перетерпели как-то. Его отец сложил голову на фронте под Ельней, мать унес голод, поразивший западные регионы СССР в 47-м. В детдоме Украинский привык ходить с низко опущенной головой, высматривая, не обронил ли кто копеечку-другую. В случае удачи бежал в гастроном, где лакомился сырым яйцом, не отходя от прилавка. Оканчивая ПТУ в семнадцать, он владел одними штанами, протертыми сзади ниже пояса до такой степени, что на редких вечерах в доме культуры от танцев приходилось отказываться, отирая стены. И ничего, выжил и вырос, получив к тому же две рабочие специальности – каменщика и штукатура.

Однако воцарившийся в конце 80-х хаос назвать временными трудностями просто не поворачивался язык. Украинский не верил в неминуемую победу коммунизма и в лучшие для Советского Союза годы (таких дураков в КГБ не держали), но полагал, что если есть заведенный порядок, то его следует придерживаться. Тогда твердая земля под ногами не превратится в палубу танцующего на волнах парохода, что уже совсем не мало. А если картина такова, что грязевой оползень тянет жилой дом к краю пропасти – под скрип конструкций и крики жильцов, то следует наконец-то захлопнуть рты и начинать что-то делать. Украинский и сам не знал, на какую баррикаду завела бы его нарастающая внутри злость, если бы ему на плечо не легла твердая рука старшего товарища.

Поришайло легко и непринужденно поднимался вверх, словно гелиевый шарик, выпущенный пионером на Первомайской демонстрации. Конец десятилетия Артем Павлович встречал в Управлении делами горкома партии. Трудился по пятнадцать часов в сутки, как Бонапарт над планами мирового господства, создавая совместные предприятия, фонды и фирмы.

– Разуй глазки, Сергей Михальч, какое вредительство? Г-гм... – Поришайло одарил подполковника взглядом отца, утомленного непросто тупым сыночком. – Мы входим в рынок, гм, движемся, так сказать к мировым ценностям, партия, как всегда, – в голове колонны, а тебе, гм, враги народа мерещатся... – Артем Павлович плеснул в стаканы армянский коньяк. В те времена в бутылках вместо благородного напитка частенько оказывался коньячный спирт, что считалось еще и не худшим вариантом. Но только не в баре Артема Павловича.

– Ты вот что, гм, кончай хандрить. Работы – воз и телега.

Вскоре на погонах Украинского добавилось по звездочке, он занял просторный кабинет в городском управлении БХСС и с головой окунулся в работу. Рынок вам – не плановая экономика развитого социализма, он диктует свои условия, из которых произрастают методы работы. На рынке, как на поле чудес, всегда найдутся операции, которые нужно подстраховать; партнеры, которым пора вправить мозги и конкуренты, прямо-таки напрашивающиеся на экскурсию в СИЗО.

* * *

Итак, полковник Украинский сидел в черной «БМВ», стремительно несущейся по трассе Кировоград-Киев, абстрагировавшись от окружающего, и прокручивая в уме задачу, поставленную Артемом Павловичем. Выполнять ее полковнику не хотелось, на то был вагон причин, да что поделаешь? Прошло два года, как неумолимая судьба стерла с политических карт мира аббревиатуру СССР, ушла в историю КПСС, под руку со своей руководящей ролью, товарищ Поришайло превратился в весьма уважаемого бизнесмена, владельца целой грозды фирм и концернов, а вот как ставил задачи Сергею Михайловичу, так и продолжал ставить.

«Диалектика, мать ее», – подумал Украинский, отвинчивая колпачок термоса и пытаюсь не пролить на брюки горячий черный кофе. – «Подвеска конечно, хороша, слов нету, „БМВ“, она и в Африке – „БМВ“, но и наши дороги за здорово не возьмешь». Он уже открыл было рот, намереваясь сказать водителю, чтоб сбросил хоть немного, не автобан ведь, в самом деле, но, глянув на часы, промолчал. Ему представилась недовольная гримаска на красивом личике Милы Кларчук, уже битых минут сорок, скорее всего, томящейся возле здания почты в Гробарях. Вызывать раздражение Милы Сергеевны Украинскому не улыбалось. Несмотря на внушительный стаж работы в органах и кресло, из которого кое-что, да видать, о Миле Кларчук он знал только то, что она: во-первых, обворожительная женщина и, во-вторых, ближайший сотрудник Поришайло, занимающийся самыми деликатными вопросами. Или наоборот. И еще, на подсознательном уровне Украинский ощущал скрытую угрозу, исходящую от этой красавицы. Ощущение опасности пока не подкреплялось никакими фактами, но и не исчезало.

В ветровом стекле промелькнула черная надпись на белом щите:

ГРОБАРИ

В следующую секунду водитель врубил клаксон и заорал, крик сразу захлестнуло грохотом сильнейшего удара. Украинский, чувствуя себя снарядом, выпущенным из хорошей гаубицы, например, из «Акации», полетел вместе с термосом и чашкой в направлении капота. Последней его мыслью было, что на сей раз выполнять поручение Поришайло ему, похоже, не придется...

* * *

Сержант Задуыветер, терзаемый сомнениями, наблюдал за разгоревшейся в панораме заднего стекла дракой, и, наконец, принял решение. Издал вздох мученика за грехи всего человечества и с тяжелым сердцем полез из кабины:

– Вот дернул черт махнуть с кумом сменами, а? Кум, чтоб ему пусто было, теперь горилку хлещет на свадьбе, а я тут это... – ворчал Задуыветер, имея в виду, что добрые дела наказуемы.

– Дядя Коля, они ж его прибьют! – подал голос напарник, молодой соседский пацан, которого сам Задуыветер и пристроил по доброте душевной с пол года назад в органы.

– Ну шо ты: дядя Коля, дядя Коля?! – поступающий вовсю адреналин окрасил лицо Задуыветра буряковым цветом. – Да сейчас хрен разберет, по нынешним временам, мать их, кого тут «это», а кого – нет. Вот шмальнут в пузо... – они выбрались из патрульной машины и, поправляя белые портупей, двинулись к месту ДТП, превращенному участниками аварии в площадку для боя без правил.

Нужно сказать, что продавщицы маленького придорожного базарчика, послужившие основой бандуровской фантазии о скульптурной группе колхозниц, уже куда-то исчезли. Вот только что были тут, топтались и галдели, перемальвая языками последние районные сплетни,

глядь – и нет их. Расположенный неподалеку коммерческий ларек, считавшийся в Гробарях первой рыночной порослью, тоже успел закрыться с быстротой глубоководной тридактны, учувшей приближение осьминога.

Вообще говоря, если уж на то пошло, первой рыночной порослью Гробарей следовало бы, по справедливости, назвать кипучую деятельность председателя местного совета, но о ней мало кто знал, осведомленные же предпочитали помалкивать.

Пройдясь взглядом по наглухо задраенным ставням, на которых, по его мнению, теперь не хватало разве что вывески «ВСЕ УШЛИ НА ФРОНТ», сержант Задуйветер прочистил горло и... обомлел, заметив, наконец, в руке одного из драчунов ПИСТОЛЕТ.

– Так я и знав, так я и знав! – застонал Задуйветер, сделал еще пару шагов по гравию (ноги, сволочи, перестали гнуться), одновременно вытаскивая из кобуры штатный ПМ и пытаюсь совладать с мочевым пузырем. Пузырь, падлюка, предательски налился свинцом в попытке выйти из-под контроля. Задуйветер послал пузырь в задницу, яростно передернул затвор и гаркнул на всю улицу не своим голосом:

– А ну, ты, кыдай зброю, кыдай зброю, падло!

* * *

Как и предполагал полковник Украинский, Мила Кларчук уже больше часа томилась в припаркованной возле здания почты новенькой красной «Мазде». Но ни в семнадцать, ни в семнадцать тридцать Сергей Михайлович не объявился. Молчал и его мобильник.

Прошел короткий дождь, снова засветило солнце. Дорога практически опустела. Мила полагала, что со стороны Украинского не очень-то любезно заставляя так долго ждать даму, но бизнес – есть бизнес, а дорога – есть дорога. Это она понимала.

Без двадцати шесть Мила запустила двигатель и медленно покатила по трассе, отыскивая указатель разворота и собираясь ни с чем возвращаться в Киев. Стало совершенно очевидным, что какая-то веская причина задержала полковника в пути. Эта причина открылась Миле Сергеевне за поворотом дороги, причем настолько внезапно, что она просто не поверила глазам.

* * *

– Ну, ты, козел, конкретно попал, – нога в кроссовке «Найк» угодила точно под ребра, и пытавшийся подняться Бандура снова повалился в грязь. Разбитый пистолетом затылок, казалось, выстреливал импульсы жесточайшей боли, рвавшиеся в голове ураганным артиллерийским салютом. Андрей почти ничего не видел, после того как один из спортсменов выхватил газовый баллончик и пустил жирную струю «черемухи» прямо ему в лицо.

– Обшмонайте его, – скомандовал кто-то сверху. Андрея пинком перевернули на спину. Посыпались пуговицы ветровки, и пластиковый пакет с документами, деньгами и отцовским письмом перекочевал из оборванного кармана рубашки в руки владельца кроссовок «Найк».

– Не кисни, мудень, сейчас поедем квартиру твою смотреть, – кроссовка снова врезалась в ребра.

– Дай сюда, – пассажир с золотой «гайкой» протянул левую руку, держа в правой внушительных размеров пистолет, вес которого Андрей только что ощутил на черепе. – Халупу в глухом селе ты посмотришь, – пластиковый пакет исчез в кармане пассажира, – если, конечно, сперва найдешь его на карте.

– Ничего, Сергей Михайлович, поставим козла на счетчик, кровью отхаркает...

– Посмотрим, – Андрей сплюнул кровь из разбитого рта, – посмотрим, сволочи, кто кого поставит, когда я дозвонюсь Правилу!

Если честно, он очень испугался, он просто не мог представить, что этот кошмар разыгрывается наяву, с ним в главной роли, и выкрикнул это просто, чтобы хоть что-то сделать.

Пассажир с «гайкой» вздрогнул, словно от пощечины, спортсмены дружно открыли рты. Захлопнуть их они не успели, потому что кто-то вдруг рявкнул со стороны:

– А ну, ты, кыдай зброю, кыдай зброю, падлю! – На сцене появилась гробарская милиция.

* * *

Мила на «нейтралке» прокатилась мимо, оставив эту сцену за левыми боковыми стеклами. Затем крутанула руль и, преодолев двойную осевую под самым носом стражей порядка (довольно нескромно, но ситуация позволяла), плавно притормозила в пяти метрах от остановок «БМВ». Украинский как раз махал красным удостоверением перед носами гаишников:

– Только что подрезал нас, разбил машину, – Сергей Михайлович указал пальцем в сторону изувеченной иномарки. – Может, он пьяный или обкурился. Не уверен, есть ли у него вообще документы...

Пожилый сержант слушал угрюмо, не спеша прятать пистолет в кобуру.

Мила нетерпеливо царапнула коготками руль – на звук клаксона мужчины, как по команде, обернулись.

– Сергей Михайлович! – она выразительно постучала пальчиком по запястью правой руки, на котором красовался «Ролекс». Украинский кивнул Миле и снова вцепился злым взглядом в лицо старшего гаишника:

– Значит, сержант, разберетесь здесь, как положено... – и не отпускал, пока тот не буркнул:

– Так точно.

Украинский прошел к «Мазде» и распахнул дверцу. Пока он втискивался на переднее сиденье легковушки, Бандура успел заметить соблазнительные коленки прекрасной хозяйки «Мазды». Затем машина тронулась с места и, набирая скорость, устремилась в сторону Киева.

– Какая клевая телка, – мечтательно прошептал разбитыми губами Андрей и потерял сознание.

* * *

Киев встретил Андрея необыкновенно ласковым вечером пятницы, какие случаются лишь в апреле, когда уже обернулись ручейками последние мартовские сугробы, а время майских гроз еще не наступило. В эту пору яблони и груши одеваются белым цветом, запах их, нежный и ненавязчивый, заполняет улицы и скверы, проникает в окна, пробуждая в душах сладкую грусть.

Бандура вышел из трамвая на улице Воровского и облегченно вздохнул. Он все ждал появления контролера, убедившись накануне, что как посыплются неприятности, – только успевай карманы подставлять. Но то ли чудесный вечер проделал основательные бреши в суровых контролерских рядах, то ли вообще перевелись они к весне 93-го года, только Андрея в трамвае никто не потревожил.

Пройдя метров сто по брусчатому тротуару, Андрей свернул в тенистую аллею и оказался перед внушительным трехэтажным особняком. Арочный въезд во внутренний дворик преграждал красно-белый шлагбаум. Рядом со шлагбаумом торчала аляповатая будка охраны. Прикрепленная к фасаду особняка табличка сообщала:

Ул. Воровского, 37а

Отцовское письмо исчезло, но адрес, по которому следовало искать в Киеве Олега Петровича Правилова, Андрей запомнил наизусть. На месте ли сейчас Правилон, или появится в понедельник, принципиального значения не имело. Только не после вчерашнего. Он добрался, – вот что было главным. Авария в Гробарях задержала Андрея всего на сутки. Не худший результат, учитывая все обстоятельства.

После того, как красная «Мазда» унесла в сторону города и пассажира с золотой «гайкой», и прекрасную незнакомку, сержант Задуইветер приступил к выполнению должностных обязанностей: составил протокол, сообщил о том, что желтая «тройка» отправляется на штраф-площадку (ничего не попишешь) и усадил Андрея в патрульную машину, предварительно сковав руки «браслетами». Уж очень напирала «спортсмены». Сержант Задуইветер с радостью надел бы наручники на обоих спутников киевского полковника, или кандалы с гирей, а еще лучше – колодки, но... «Спортсмены» не слезили с мобилок, пока за ними не прибыла «БМВ» – зеркальная копия их собственной машины до столкновения с телеграфным столбом.

Когда амбалы наконец укатили, Задуইветер снял наручники, протянул Бандуре права (после того как Андрея тормознули на Винницком КП, права он отчего-то засунул в задний карман брюк, теперь вышло – счастливая случайность) и показал на дверь:

– Иди, хлопец, найдешь документы – прыходи, никуда твоя машина не денется.

И Андрей пошел вдоль дороги, разминая затекшие кисти рук.

«А чего еще делать-то?..»

На краю села умылся у колодца и привел в относительный порядок одежду.

На смену вечеру быстро пришла ночь. Андрей свернул в поле, рассудив, что голосовать в свете фар – *«один черт бестолку, а вот угодить под колеса намного легче, чем днем»*. Кроме того, у него раскалывалась голова, а грудная клетка выглядела одним большим кровоподтеком. И, наконец, Андреем отчего-то овладело такое предчувствие, будто «спортсмены» еще вернутся. Или поджидают где-то впереди. И то и другое не сулило ничего хорошего.

«На сегодня с меня довольно, – сказал, пожившись, Андрей, – от ночевки в лесопосадке еще никто не умирал. Май – не февраль, слава Богу. Перекантуюсь».

К рассвету синяки и ссадины распухли до угрожающих размеров. Левый глаз полностью затек. Андрей продрог до костей и чувствовал себя гораздо хуже вчерашнего. Он с трудом поднялся на ноги, – *«не лежать же весь день в кустах?»* – отряхнул с себя черные прошлогодние листья, уныло покачал головой, – *«ох и видок у тебя, приятель»*, – и, прихрамывая, выбрался на дорогу.

Каждый шаг отдавался в ребрах, но Андрей упрямо шагал вдоль обочины, горячо сожалея об аптечке, забытой на заднем сидении «Жигулей». Аптечка была собрана в дорогу руками Бандуры-старшего с педантизмом, свойственным большинству отставных военных, и заботой, отличающей хороших матерей. Теперь об аптечке можно было забыть. Впрочем, как и о машине. Поскольку с исчезновением денег все виды транспорта, кроме автостопа, стали ему недостижимы, Андрей шел пешком, периодически и без особой надежды, вяло махая проносящимся мимо машинам. Бандура принадлежал к тому типу людей, которым идти при любых условиях лучше, чем сидеть, ожидая у моря погоды. Курить хотелось просто-таки невыносимо.

К исходу третьего часа, громко стравливая воздух и обдав Андрея запахами горячей резины, машинного масла и отработанной соляры, рядом притормозил тяжело груженный «КамАЗ» с прицепом.

– Давай, залазь, – здоровяк в видавшей виды десантной тельняшке добродушно осклабился. – Ты что, боксер?

– Бульдог, – мрачно отшутился Бандура и плюхнулся на сиденье.

Так он попал на Большую окружную дорогу, в район конечной скоростного трамвая, а оттуда с двумя пересадками на Воровского. В чудесный, не по-нашему ухоженный дворик, наполненный ароматом цветущих вишен, прямо под красно-белый шлагбаум. Андрей прикрыл

глаза и, подставляя лицо ласковому закатному солнцу, потянул носом нежный, трепетный аромат, который и сравнивать нечего с резкими, агрессивными миазмами, распространяемыми оранжерейными монстрами, от которых, по глубокому убеждению Бандуры, всегда отдавало похоронами.

– Эй, парень, иди-ка на хрен отсюда, – из будки высунулся здоровенный охранник, внешним видом весьма смахивающий на вчерашних «спортсменов». Если бы Бандура слышал хоть что-то о клонировании, то вполне мог бы предположить, что преступные опыты проводились где-то неподалеку.

– Вообще-то, мне нужен Олег Петрович Правилев, – Андрей изобразил на лице максимально вежливую улыбку, на какую только оказался способен.

– Да что ты говоришь?! – Охранник даже повеселел. – Тебе вообще-то нужен Правилев? – Он уже откровенно улыбался – Ты это, похоже, рекламируешь вещи для бомжей? Так Правилев не купит, гарант...

Бандура открыл было рот, соображая, что бы ответить, но тут от поворота надсадно загудел клаксон, охранник пулей метнулся к шлагбауму, и в арку на большой скорости влетели два джипа. Шли они буфер в буфер, создав у Андрея полноценное впечатление небольшого паровоза, въезжающего в железнодорожный тоннель.

Глава 2

КАБИНЕТ ГОСПОДИНА ПРАВИЛОВА

Олег Правилон – в ярости, возвращался с расположенной в лесах Святошино базы частной охранной фирмы «Ямадзакура», где подобралась компания для пейнтболла. Вообще-то Правилону пора было наиграться в войну, довелось и с парашютом прыгать, и в БМП гореть, и стреляли в него многократно, трижды серьезно зацепив. Но таков уж был характер Олега Петровича, любил он, время от времени, доказать себе и окружающим, что не зря умудренные опытом римские стратеги считали «сорок пять» наилучшим возрастом легионера. Так, по крайней мере, полагал сам Правилон, любивший, на досуге, посидеть на балконе с томиком военной истории в руках. Тем более что понарошку все, – без крови. Далее в программе следовали банька, банкет и кое-что – на десерт, но Правилон, едва услышав в трубке мобильного глухой от ярости голос Виктора Ивановича Ледового, понял, что приятный вечер для него завершен.

– Ты знаешь, что все наши счета в «Кредит-Банке» арестованы сегодня легавыми? – зарычал Ледовой вместо приветствия.

Правилон ничего подобного не знал.

– Может, ты в курсе, что наших фирмачей на Федорова тоже хлопнули? А двоих твоих дебилов запаковали прямо в офисе с чемоданом, набитым баксами?!

Правилон и об этом впервые слышал. Он молча сидел на осиновой лавке, с махровым полотенцем на бедрах и трубкой мобильного у уха.

– Слышал про Протасова и Армейца? Твои клоуны, я ничего не путаю?

– Мои, – капелька пота скатилась по седому виску Олега Петровича и задержалась в ямке над ключицей.

– Это мои баксы, Правилон, понимаешь ты или нет?! – Ледовой сорвался на крик. – Нахрена мне твоя долбаная контора, если я даже узнаю про всю эту херню не от тебя?

– Уже работаю над этим вопросом. Буду докладывать, Виктор Иванович... – под шквалом внезапно обрушившихся неприятностей Правилон чувствовал себя человеком, среди ночи бесцеремонно вытасненным из-под одеяла.

– Ты решай, Правилон... – голос Ледового нагнал бы страху и на камень, – лучше бы тебе решить...

Через минуту Правилон, на ходу застегивая куртку, уже бежал к джипу. Захлопали дверцы, и машины – первая Правилова, вторая – охраны, разбрасывая колесами гравий, понеслись лесной дорогой.

Да, это были неприятности, нечего даже говорить. Олег Правилон не контролировал, конечно, все финансовые потоки, протекающие, словно кровь по венам, через счета реальных и подставных фирм, подконтрольных могущественной корпорации Виктора Ледового. Но, будучи шефом службы безопасности, отвечал за них головой. Правилон не выпускал из рук мобилку, пытаясь прояснить ситуацию и сознавая, что вечер пятницы для этого – время гиблое. И все-же, когда джипы свернули в тенистую аллею, соединяющую двор дома 37а с улицей Воровского, общая картина случившегося уже предстала перед Правилонным, зловещая, как призрак отца Гамлета.

Действительно, около четырнадцати ноль-ноль, когда вернувшиеся с обеденного перерыва операционистки «Кредит-Банка» мирно рассаживались по своим «лоджикам», делясь соображениями о погоде, – останется ли она в выходные такой же теплой или, как назло, зарядит дождь до самого понедельника, к банковской стойке подошли опера городского управления

экономической милиции. В течение последующих пятнадцати минут счета трех фирм, через подставных лиц принадлежавших Виктору Ледовому, были арестованы.

По большому счету, фирмы эти существовали только на бумаге, открытые на мертвых душ, что ни в коей мере не мешало, а даже наоборот, помогало перекачивать через них суммы, о которых мог только помечтать не один десяток крупных промышленных предприятий, и то при условии объединения капиталов.

Поскольку счета после ареста остались открытыми на прием, словно проваленная контрразведкой шпионская явочная квартира (заходи – не бойся, выходи – не плачь), к тому же был чертов вечер пятницы, а следовательно, большинство кресел, из которых принимаются решения, опустели до понедельника, крупные денежные суммы продолжали сыпаться из расчетной палаты прямо в лапы оперов, будто кванты света в черную дыру.

На милицейские столы улеглись бесчисленные погонные метры банковских распечаток – плательщик, сумма, основание платежа. Перечень оплаченных товаров и услуг просто поражал воображение: телевизоры и бензин, водка и мыло, гипсокартон и компьютеры, автоперевозки и реклама и многое, многое другое. Все это скорее напоминало очередное издание справочника «ЗОЛОТЫЕ СТРАНИЦЫ КИЕВА».

Одновременно опера городского УБЭП, действуя при поддержке милицейских спецподразделений, ворвались на третий этаж здания бывшего всесоюзного проектного института по улице Федорова, 18. Ныне этаж арендовала коммерческая фирма «Антарктика». Милиционеры, уложив носами в ковролин троих сотрудников и охранника, вывернули из сейфов комплекты пустых бланков с печатями, сами печати и более семисот тысяч долларов. Надо сказать, что и печати, и бланки в точности соответствовали счетам, арестованным в «Кредит-Банке».

Правилову оставалось признать, что крупное финансовое предприятие Ледового, занимавшееся обналичкой с молодецким размахом, рухнуло в считанные часы. Более того, в офисе «Антарктики» были задержаны двое непосредственных подчиненных Правилова. По имеющейся у него непроверенной пока информации, его люди вначале оказали сопротивление и здорово получили по мозгам, потом качали права, размахивая корочками сотрудников службы безопасности, а затем, каким-то загадочным образом, скрыл голосом:

– Вот дерьмо, – кратко охарактеризовал ситуацию Правилов. Поводов радоваться замечательному весеннему вечеру у него не осталось вовсе. Правилов рывком покинул джип и легко взбежал по ступенькам, зычно гаркнув на ходу:

– Протасова с Армейцем ко мне!

Он уже шагал в дверной проем, когда услышал за спиной шум внезапно завязавшейся потасовки и чей-то отчаянный крик:

– Товарищ полковник! Мой батя воевал с Вами в Афгане!..

Правилов резко развернулся на каблуках и увидел молодого парня, бегом пересекающего дворик. Трое охранников неслись следом, еще четверо наперерез.

«Долбаные тютти», – мелькнуло в голове Правилова.

В центре двора беглец столкнулся с преследователями и образовалась куча, характерная для матчей по регби. Правилов улыбнулся, представив, что бы было, окажись паренек обвешанным бомбами террористом-смертником, и эта идиотская мысль подняла ему настроение.

* * *

Проводив взглядом вкатившие во двор машины, Андрей в пассажире головной сразу признал Правилова. Вообще говоря, он ориентировался по фотографиям десятилетней давности, черно-белым, невысокого качества, но все же полагал, что не ошибся. На снимках, привезенных майором Бандурой из Афганистана, Правилов встречался несколько раз: отец и Правилов на броне БТРа, в танкошлемах, сдвинутых у обоих на затылки, они же с солдатами на

каком-то мосту, позади что-то вроде мрачного горного склона. То были обычные фотографии из старого армейского альбома, любовно обтянутого толстым красным сукном. Вот, кстати, яркий пример обыкновенной для тех лет солдатской самодеятельности.

– Сам альбом перетягивал? – заинтересовался Андрей.

– Бойцов заставил, – отмахнулся отец.

Показывая альбом сыну, Бандура-старший еще высказался в таком духе, что появление экспресс-лабораторий «Кодака» разделило мир фотографий на две части – до «Кодака» и после. «До» как-то сразу постарели, словно игрушки детства, заткнутые, за ненадобностью, на чердак.

Двадцати секунд, понадобившихся Правилу, чтобы пройти мимо джипов и подняться на крыльцо, вполне хватило Андрею для принятия решения (возможно, не самого разумного). Он перепрыгнул через шлагбаум и припустил что есть духу по двору. Крепкие ребята метнулись за ним, как свора псов за кошкой. Уже падая, Бандура завопил во весь голос:

– Товарищ полковник! Мой батя служил с Вами в Афгане!

И исчез под телами охранников.

– Поднимите его, – беззлобно распорядился Правил.

При виде молодого паренька, которого дюжие телохранители держали на руках, будто снаряд для занятий дзюдо, Правил вдруг почувствовал, как напряжение, нараставшее в течение последнего часа, стремительно пошло на спад. Нервы попросту не способны находиться в постоянно натянутом состоянии, а тут еще в душе Правилова робко звякнула струнка, молчавшая достаточно долго. Ни полковником, ни уж тем более товарищем, его не называли давненько.

– Ну и кто ты таков?

«Совсем молодой паренек, вроде бы не бандюк, не селюк, на тупоголового мажора из центра тоже совсем не похож. Очевидно только то, что недавно били, причем били на совесть».

– Бандура я... – телохранители немного ослабили хватку, и парень коснулся ногами асфальта. Один из телохранителей, глянув в отобранные при беглом обыске права, кивнул утвердительно:

– Точно.

* * *

Около года тому назад Правил навестил мать Андрея Комиссарова – одного из своих прежних солдат. Из тех, что служили в его роте, когда поднятым по тревоге подразделениям 105-й десантной дивизии был отдан приказ срочно грузиться в самолеты. Из тех, кого чуть позже Правилу по тем или иным причинам не удалось сберечь. Из тех, кому из Афганистана домой довелось возвращаться в цинке.

Комиссаров погиб – снайперская пуля снесла ему половину головы – в первых числах 1980-го. Правил на похороны не ездил, не до того ему было, да и порядок существовал другой. Солдатский гроб проделал долгий путь от Баграма до Киева. Офицеры военкомата, призвавшего Комиссарова на службу каких-то полгода назад, на всякий случай в сопровождении врача скорой помощи и наряда милиции, явились в его дом, который больше не был его домом, и сообщили родителям, что сына у них нет. Вот, собственно, и все. Комиссарова похоронили за счет военного ведомства, стыдливо указав на могильной плите: *«Скончался 12.01.80 г.»*, забыв упомянуть, где, как и за что. Таков уж был порядок. Никто и пикнуть не смел.

Правил давно собирался съездить, да то как-то не выходило, а то и сам откладывал. И вот год назад решился.

Пожилая женщина заварила для него чай, он принес сладости. То ли торт, то ли еще что – он уже не помнил. Из открытого окна доносились звуки улицы. Там стояло лето, там

кричала детвора. Клакسونили машины, чирикали птицы, и происходило еще Бог весь что. Старушка (возможно, думал потом Правилон, она только казалась старушкой, просто так выглядела) рассказывала Олегу Петровичу... о ЖЭКе, кажется, в который не достучишься, чтобы поменяли ржавые трубы. И что зимой в комнате зябко – надо прокачать батареи, а кто это делает? Андрюшин папа – уже пятый год как умер, а сам Андрюша... Она утерла слезу ладошкой. Довольно скупую – видать, свое отплакала.

Правилон сидел, слушал в пол-уха и рассеянно осматривал комнату. Черно-белый портрет Хэмингуэя на стене над старым письменным столом, вскрытым морилкой. На книжных полках в основном школьные учебники, над ними выцветший плакат с Дином Ридом.⁵ Брюки-клеш, на плече гитара, а в глазах – тоска смертная... Громоздкий бобинный магнитофон «Маяк», онемевший, очевидно, с тех самых пор, как Андрей Комиссаров в последний раз перешагнул порог своей квартиры.

«Он играл на проводах в армию», – думал Олег Правилон. – «Где-то тут стоял стол. Андрей с приятелями ели и пили, главным образом пили, понятно, а после полуночи кто-то из друзей обрил его налысо. И слушали они, – что же они слушали весной 79-го?... „АББУ“? „Бони-М“? „Кисс“? „Назарет“? „Лэд Зэппэлин“?... Может быть, „Чингиз-Хан“? „Рок-н-ролл – казачок, рок-н-ролл – казачок...“ Не Льва Лещенко, и не Софию Ротару.

Как бы там ни было, в тот день (ту ночь) магнитофон работал в последний раз. Утром ребята, горланя, побрели к военкомату. Как телята – на убой».

– ...Я-то пенсию через военкомат получаю, но даже на квартплату не хватает... – провалилась в голову Правилова мама Андрея Комиссарова.

«Я в прошлом», – сказал себе Правилон. Как будто долбаная душманская пуля, выпущенная двенадцать лет назад, черт знает где, на другом конце света, привела в действие механизм чудовищной машины времени и отправила Олега Правилова в последнюю весну семидесятых.

Ощущение было невыносимым. Оно не отпускало Правилова, пока он спускался обшарпанной убогой лесницей, украшенной обгоревшими спичками, прилепленными к потолку при помощи слюны. Оно давило его, когда он садился в джип и выбирался с Радужного массива, преодолевая послеобеденные пробки.

Он не уехал от старушки – он от нее сбежал.

* * *

Нечто подобное испытал Правилон и теперь, услышав фамилию Бандура. Она прозвучала отголоском такой неправдоподобно далекой эпохи, в которой и Ледовой, и все, что с ним связано, могло привидеться Олегу Правилону разве что в чудовищном ночном кошмаре.

Правилон махнул рукой – Андрей очутился на свободе.

– Пойдем со мной, – Олег Петрович указал на дверь и шагнул в нее, не дожидаясь, пока молодой человек придет в себя и последует его примеру.

* * *

– Батя на копейки с пасеки живет, – они сидели в кабинете Правилова, на 2-м этаже особняка. Окна кабинета выходили в сад, позолоченный лучиками заходящего солнца. – На

⁵ Дин Рид (1938–1986), красный ковбой из Колорадо, американский певец, выступавший за мир и дружбу между народами. Был вынужден уехать из США в Южную Америку, где встречался с Ч.Геварой и С.Альенде. Его неоднократно арестовывали и высылали из Чили при Пиночете. Перебравшись в Европу, совмещал съемки в вестернах с участием в маршах в защиту мира, вел телепередачи и жил у партизан ООП. Пользовался всенародной любовью в СССР, ГДР и др. соцстранах. Надо сказать, что, возможно, Рид заблуждался на счет советской системы, о которой судил по золоченому фасаду. При этом он был убежденным противником капитализма, о котором судил не понаслышке

базаре за все дай: за место дай, за крышу дай, за лабораторию – тоже дай. В магазины сдавать – денег своих не допросишься, а если чего и отдадут, все инфляция пожрет.

– Батя из района позвонить Вам хотел, – Андрей отхлебнул горячий кофе из чашки, принесенной холеной секретаршей, – он хотел, только ведь пасеку надолго не оставишь: или разворуют начисто, или спялят вообще.

– Понятно-понятно, – Правиллов внимательно изучал Бандуру. Понятно-то понятно, а Правиллову было бы спокойнее, если б Бандура-старший все-таки изыскал возможность, да звякнул. Время такое наступило – недоверчивое, ничего тут не попишешь. Хотя пока и гладко у парня выходило. Правдоподобно, грубо говоря.

– Давай подробнее, кто по дороге обидел?

Андрей, стараясь не упустить ни единой детали, рассказал об инциденте в Гробарях. Планов мести он не строил, а вот вернуть отцовскую «тройку»...

Нарисованная Бандурой картина удивления у Правилова не вызвала. За разбитую дорожку иномарку могли и убить, может, и убили бы, кабы не гаишники.

– Значит, говоришь, имя мое их напугало? – Правиллов улыбнулся, испытывая смесь легкой досады и удовлетворения. Его имя действительно стало звонким за последнюю пару лет. Ясное дело, какой-нибудь инженеришка с безвременно скончавшегося завода об Олеге Петровиче мог и не слышать, а вот среди тех, кто бороздил улицы родного города на дорогих иномарках, очень даже похоже.

– Извините, Олег Петрович, – щеки Андрея залил румянец, – еще как напугало, особенно того солидного гада в костюме и со здоровенной золотой «гайкой».

– С «гайкой», говоришь... – Правиллов выпустил облако дыма изо рта и задумчиво кивнул. Он курил «Лаки Страйк» в солдатском варианте, без фильтра. Бандура подумал, что нехило было бы, малость приподнявшись, отправить отцу пару блоков таких вот сигарет бандеролью. Сколько себя помнил Андрей, отец оставался верен «Приме», балуясь «Столичными», как правило, только по большим праздникам. Типа семейных Дней рождений, Нового года и 23-го февраля.

Вытянув из Андрея точное описание красной «Мазды» и ее прекрасной владелицы, с помощью которых безымянный полковник столь оперативно покинул место ДТП, Правиллов ненадолго задумался. – *«Вообще говоря, обычная история, не хуже и не лучше остальных – в этом мире случается и не такое. В городе достаточное количество полковников, успевших по достоинству оценить и золото, и иномарки. Случаются среди них и такие, что и гаишников по струнке построят, и в ряжу зарядят, без лишних разговоров, хотя...»*

– Ну-ка обожди... – Правиллов потянулся к сейфу, пошелестел какими-то бумагами, достал маленькую фотографию – из тех, что клеят на документы, и, не выпуская ее из рук, протянул Андрею:

– Он?

Мог и не спрашивать, достаточно было просто взглянуть, как Андрей весь подобрался, сдавив пальцами кожаные подлокотники кресла.

«Ну и ну. Первым же снарядом – и прямо в десятку».

– Чего позеленел? – фотография исчезла в сейфе. – Все в порядке, мне он не друг. Но человек очень серьезный, так что ты еще легко отделался.

Олег Правиллов полагал, что начальник городского управления экономической милиции вполне может позволить себе кататься, где заблагорассудится, разбивать какое угодно количество машин и встречаться с красивыми женщинами на трассе – да Бога ради. Если бы не одно обстоятельство. Если б не поразительное сходство прекрасной незнакомки из Гробарей с Милой Сергеевной Кларчук – ослепительной блондинкой, раз, и владелицей новенькой красной «Мазды», два. Кроме этих неоспоримых достоинств, Мила Кларчук, согласно информации Правилова, состояла в ближайшем окружении Артема Павловича Поришайло, человека

исключительно влиятельного и могущественного. Артем Павлович, в свою очередь, находился в более чем тесных деловых отношениях с правиловским нынешним шефом и благодетелем – Виктором Ивановичем Ледовым.

– Значит, красивая яркая блондинка в «нулевой» 323-й «Мазде»? Марку не путаешь?

Андрей не путал. Триумфальное шествие турецких жвачек «Турбо» застало его еще в школе. Меняться цветными вкладышами – он не менялся, в фантики не играл (выпускной все же класс), а вот срисовывал автомобили в альбом с огромным удовольствием. Рассказывать об этом Правилову Андрей не стал, просто кивнул утвердительно:

– «Мазда». Сто процентов.

Фотоснимков Милы Кларчук Правиллов в сейфе не имел – экая, понимаешь ли, жалость. Да и вряд ли стоило полагаться в данном случае на абсолютную, как он сам утверждал, зрительную память Бандуры-младшего, видевшего незнакомку мельком, с большого расстояния и, в конце концов, в состоянии аффекта. Следовало признать случившееся совпадением и выкинуть из головы, либо...

Киев – не Шанхай, уж кто-кто, а симпатичные белокурые женщины встречаются на его улицах достаточно часто, невзирая на триста лет татаро-монгольского ига. Иди, подсчитай, какой процент внушительной армии киевских блондинок отдает предпочтение красным «Маздам», зарегистрированным на них самих, их мужей или любовников. Да на кого угодно. Попробуй, проверь.

Только вот в совпадения Правиллов не верил. На эпизод трогательного служебного романа сурового полковника из МВД и близкой олигарху красавицы встреча, подсмотренная Бандурой, тоже не походила. Особенно принимая во внимание разгром, устроенный вскоре после их замечательного свидания подчиненными полковника, – предприятиям ближайшего партнера этого самого олигарха.

Правиллов крепко задумался. Очень похоже на то, что Артем Павлович решил, исходя из каких-то своих соображений, потрясти за кадык Виктора Ивановича. Пока сохраняя инкогнито. Прекрасно. Теперь Правиллову оставалось только поздравить себя с завидным положением человека, проплывающего на надувном матрасе по гребаному бассейну, в котором акула надумала порвать горло крокодилу.

Правиллов потянулся к трубке, но сразу одернул руку. Ледовому звонить рановато. Пока, по крайней мере.

Он прикурил очередную «Лаки» от тлеющего окурка предыдущей и внимательно поглядел на Бандуру. Молодой человек скромно сидел напротив, сосредоточенно изучая ногти на руках.

Что-то тут было не так. Все сложилось один к одному, будто пластмассовая детская головоломка. Из тех, что Правиллов обожал дарить племяннице, где-то в середине семидесятых. – *«И не даром, кстати, дарил – грамотная девка выросла».*

Чересчур уж все просто. Складный рассказ у парнишки получился. И придраться особо не к чему. И все хорошо бы, если б не одно обстоятельство. Если закрыть глаза на быстроту, с какой отдельные, не связанные между собою штрихи, накапливавшиеся на протяжении всего сегодняшнего вечера, объединились в целостную картину: «Артем Поришайло, танцующий на крышке гроба Виктора Ледового».

Подозрение, трепетной тенью блуждавшее на задворках правилловской подкорки, малопомалу приобрело определенную форму.

«Замечательно, нечего даже говорить. Сидел Олег Правиллов, ломал голову, кто напал, зачем напал, кто приказал, и как свою задницу прикрыть, пока не появился, точно джин из лампы Алладина, сын старинного армейского приятеля (которому и позвонить-то некуда) и самым чудесным образом открыл старому дураку глаза на истинное положение вещей. Раз-

облачил злодейский заговор олигарха Порошайло и вообще повыводил на чистую воду всех, кого только можно».

Неожиданно на правиловском столе ожил динамик, щелкнул и сообщил томным голосом секретарши:

– Олег Петрович, Протасов и Армеец прибыли.

– Вот что, – Правиллов постарался не выдать возникших подозрений, но вышло, один черт, с прохладцей. – Вот что. Ты это, походи, посиди, что ли, в приемной, тут мне срочный вопрос нужно решить. Понял, да? – И обернувшись к микрофону, гаркнул уже не сдерживаясь: – Давай их немедленно ко мне!

* * *

Андрей мельком взглянул на новых посетителей кабинета. Первым вошел здоровенный детина лет тридцати с небольшим, под два метра ростом, одетый в кожаную куртку, полностью закрывающую бедра, спортивные штаны с белыми лампасами и кроссовки неправдоподобно большого размера.

– Ну и шайба... – мелькнуло в голове Андрея.

На шее «шайбы» красовалась золотая цепь такой величины, что ее вполне можно было применить для якорной стоянки какого-нибудь небольшого корабля. Эскадренного миноносца, к примеру. Сплюснутый нос и изломанные линии бровей свидетельствовали о том, что поединки боксеров здоровяк видел не только по телевизору.

Второй посетитель во многом являл собой полную противоположность первому. Это был стройный, интеллигентного вида молодой человек, одетый в безукоризненный двубортный костюм. Если бы Андрей не провел начало 90-х годов на отцовской пасеке в селе, то вполне бы мог заподозрить, что в особняк проник назойливый представитель вездесущей Канадской компании.

Бандура вышел из кабинета, дверь закрылась, он очутился в приемной.

* * *

Как только дверь за Андреем захлопнулась, Правиллов, не удостоив вошедших даже взглядом, снял трубку телефона и набрал номер городского управления ГАИ. Ожидая, когда наступит соединение, Правиллов сохранял на лице угрюмое выражение, которое, во-первых, полностью отвечало его настроению, и, во-вторых, должно было показать робко переминавшимся с ноги на ногу Протасову и Армейцу, что в самые ближайшие минуты их ожидает грандиозная взбучка. Протасов и Армеец и сами понимали, что попали.

Пока Правиллов обменивался с невидимым телефонным собеседником традиционными приветственными фразами, заменяющими у нас высовывание языка во все стороны, характерное для встреч эскимосов, они стояли в углу, безмолвные, как изваяния острова Пасхи.

– ...В мае на шашлыки... Ага... Да... Да... Да... Слушай, тут проблема у меня... – Правиллов перешел к деловой части разговора, – проясни по областному управлению, что за авария в Гробарях была... Вчера, между семнадцатью и восемнадцатью... «Жигули» и «БМВ»... Да вроде без жертв. Пробей номера машин, особенно по «тройке»... Ага, и кто владельцы, – продолжительное молчание, – на вчера надо... понял, жду.

Правиллов опустил трубку на рычаг, воткнул в рот сигарету и подкурил от серебряной «Зиппо». В те времена китайцы еще не наладили массовое копирование зажигалок этого типа, на каждом углу они не продавались, так что вышло весьма эффектно. Затягиваясь, Правиллов ощутил тупую боль в груди и подумал про себя, что отольются эти полные пепельницы лет

через пять-шесть, ох, отольются. С другой стороны, такой серьезный срок еще предстояло прожить.

– Итак, – Правилон, наконец, обернулся к подчиненным, буравя яростным взглядом то одного, то другого. – Где мои деньги?

Говоря «мои деньги», Правилон подразумевал именно «свои», а не какие бы то ни было другие. В структуре корпорации, созданной и управляемой Виктором Ледовым (ее можно было назвать и ОПГ, без проблем), ни Протасов, ни Армеец не имели ни малейшего отношения к охране фирмы «Антарктика». Просто в мутный поток безличных средств, перекачиваемых в наличные под общей крышей Виктора Ледового, Правилон, время от времени, вливал свой маленький денежный ручеек. За правилонскими деньгами злополучным пятничным полуднем и отправились в качестве курьеров Атасов, Протасов и Армеец. Застражи где-то в баре по пути и угодили как раз на «раздачу слонов», устроенную в «Антарктике» оперативниками Сергея Украинского. Потеря этой суммы числилась за номером один в списке причин, по которым Правилон собирался снять шкуры со своих подчиненных, в очередной раз на практике подтвердив убогий идиотизм нетленных идей марксизма-ленинизма о торжестве общественного над личным.

– Повторяю, где мои пятьдесят штук? – Правилон говорил тихо, но по количеству металла в голосе было ясно, что канонада не за горами.

– Молчите? – зловеще произнес Правилон. – Ну-ну. Очень хорошо. Каким образом вам удалось оказаться на Федорова в два, если я послал вас туда в двенадцать? Может тебе, Протасов, повылазило? Забыл карту Киева? Где-то услышал, что все «kozyри» добираются на Печерск через Житомир?

– Я вам скажу, мать вашу, где вы были... – негромко начал Правилон, набирая в легкие побольше воздуха. На секунду в кабинете повисла тишина, как перед тропическим ураганом.

– Вы, кретины хреновы, висели в каком-то долбаном кабаке, битых два часа нажирались, как свиньи, а когда менты залазили мне в карман и разносили «Антарктику» на молекулы, стояли и жевали сопля!

В своей прошлой жизни Олег Правилон был кадровым офицером, армейские годы поставили ему голос таким образом, что если он переходил на крик (а он как раз перешел), оставалось лишь стоять по стойке смирно с захлопнутым ртом, уповая на запас прочности барабанных перепонок.

– Как вы могли позволить ментам себя запаковать, а? – продолжал орать Правилон. – Что вы там мямлили про свою крышу и про неприятности, ожидающие ментов? Это смешно! Я смеюсь, честное слово! Это у вас троих будут неприятности... – Правилон на секунду замешкался, – кстати, а где Атасов?

– Олег Пе-петрович, – грустно произнес Армеец, решив начать издали, – с-сначала мы по-попали в п-пробку... – он слегка заикался, особенно когда нервничал.

– Если мы и заскочили в бар по дороге, так на минуту, потому что Атасову захотелось дернуть пивка, – вставил свои пять копеек Протасов, – мы с Армейцем вообще были трезвыми, как стеклышки.

– Да ну? – Правилон выскочил из кресла и оказался перед Протасовым. – Да что ты говоришь?!

– Эдик, – ехидно поинтересовался Правилон, тыча пальцем в нос Армейцу, – ну на хрена ты ползал на брюхе, умоляя взять тебя на работу? Шел бы ты на хрен обратно в свою школу!..

– Или вот ты, Протасов! На какой ляд тебе такая здоровенная цепь на шее? Чтобы ментам было удобнее водить тебя на поводке?..

Протасов и Армеец дрожали от ярости, они постукивали ногами об ламинированный пол, кусали губы и сжимали кулаки.

– Олег Петрович! – Протасов вращал глазами, совсем как разъяренный бык, – Олег Петрович! Мы сидели на фирме, нормально все, кофе там, все дела. Тут менты, мать их, дверь долбанули по беспределу. Фирмачей сразу мордами в пол, короче «маски шоу». Мы с Армейцем рубались с этими, в камуфляже... Смотрю – труба дело!.. Ну, – запаковали нас. Е-мое, шеф, что мы могли сделать?.. Проколы бывают у всех. Что, Тайсон ни разу в жизни не получал конкретно по рогам?..

– Мы п-предъявили до-документы, – продолжил за Протасова Армеец, – нам дали встать. Они хотели до-доставить нас в СИЗО, но потом нам удалось с-скрыться...

– Удалось скрыться? – переспросил Правилов, снова закипая, – и что мне теперь делать? Выдать вам медали?..

* * *

Все это время Бандура жался в приемной на самом краю диванчика. *А что еще остается делать просителю, прибывшему с голой задницей на прием к богатому дяде?* Время от времени Андрей чувствовал на себе выразительные взгляды секретарши Олега Правилова. Взгляды были полны презрения, доказывая старую как мир истину, иной холуй еще похуже хозяина. Андрей без труда переводил их примерно следующим образом: – *«Если тебя, парень, по какой-то причине отсюда и не пошлют, то будешь ты тут всем намобязан по гроб жизни»*. Поскольку возразить было нечего, он сидел, полностью посвятив себя изучению рыб, плававших туда-сюда по огромному аквариуму, установленному в приемной. Андрей взвешивал в уме последствия переноса правилковского аквариума (при помощи телепортации, например) в зоокабинет родной средней школы в Дубечках и склонялся к тому, что учительница биологии получила бы инфаркт, но гарантии, конечно, дать не мог...

Между тем разговор в кабинете перешел на такие тона, когда даже толстая филенчатая дверь не является для звука ощутимой преградой.

– Армеец! – раздался из-за стены разъяренный рык Правилова, – ты иди на хрен куда хочешь!.. Ты иди в трансвеститы, ты иди в парламент! Протасов, твою мать, ты иди на хрен на рынок торговать, а я, мать вашу, пойду в налоговую милицию, участковым, я лучше машины буду гонять из Поляндии... И я вас в последний раз спрашиваю, где Атасов, а?! Где Атасов, мать вашу?! Он что, сбежал?!

В это время входная дверь приемной распахнулась, и на пороге появился небрежно одетый мужчина с благородным и красивым, но жестоко испытаным лицом. Бандуре немедленно пришло в голову, что почки незнакомца работают на пределе возможностей.

Мужчина нетвердой походкой пересек приемную и толкнул дверь кабинета:

– Кто это, типа, сбежал?..

С этими словами незнакомец скрылся за дверью.

* * *

Атасов (ибо это был именно он) сопровождаемый изумленными взглядами Правилова, Протасова и Армейца, проследовал к правилковскому столу, который вполне бы сгодился под обустройство небольшого аэродрома. Расстегнув на ходу короткую джинсовую куртку, Атасов шваркнул на дубовую столешницу пластиковый пакет, под завязку наполненный салатowymi купюрами с портретом генерала Уиллиса С. Гранта на обороте. Затем развернулся через левое плечо, на мгновение утратив равновесие, но каким-то образом все же удержался на ногах.

– Е-мое, Атасов, ну ты даешь! – Протасов радостно ощерился, демонстрируя все свои тридцать два зуба, получившие вторую жизнь благодаря включению коммерческой зубо-врачебной клиники «Капот» в зону интересов корпорации Виктора Ледового.

* * *

На вопрос Правилова – «Где Атасов?» Протасову, мягко говоря, отвечать было нечего. Он действительно немного увлекся, попивая тоник и поедая глазками длинные ножки одной из сотрудниц «Антарктики», с которой и точил лясы вплоть до того момента, когда входная дверь полетела с петель, а в офис вломились эти гребаные «маскировочные костюмы».

По дороге в «Антарктику» Атасов, занимавший переднее пассажирское кресло в джипе Протасова, высказал предложение, что «... типа, пора бы и горло промочить». Протасов сказал «в натуре» и направил машину в сторону ближайшего бара, не дожидаясь, пока Армеец с заднего сидения выскажет свое мнение. В то время как Протасов в игровом зале насиловал «одноруких бандитов», Атасов сидел за стойкой, опустошая пивные банки с методичностью часового механизма. На лицах барменов читалось унылое выражение, поскольку троица уже давно перевела бар на режим работы «сегодня угощает заведение». Попытку Армейца напомнить о времени Атасов решительно отмел: «... Правилкову, типа, не по фигу, часом раньше или позже он получит свои баксюки?..»

В половине второго Протасов все же зарулил на парковочную стоянку под окнами «Антарктики», они вышли из машины и поднялись на третий этаж.

Пока Протасов кадрил длинноногую секретаршу, бросая жадные взгляды на ее соблазнительные коленки, а Армеец скучал у окна, считая проезжающие по Федорова машины, Атасов двинул к двери. Пиво, поглощенное им в неимоверном количестве, властно заявило о себе, толкнув Атасова на выход. Деньги Олега Правилова, к тому времени уже отсчитанные сотрудниками «Антарктики», дожидались в пластиковом пакете на столе, и Атасов, продвигаясь наружу, прихватил их с собой – *«так оно, типа, надежнее»*. Он покинул офис, думая только о том, в каком из концов длинного институтского коридора находится мужской туалет, и моля Бога, чтобы не ошибиться.

Штурм «Антарктики» застал Атасова в кабинке, напомнив ему о далеких событиях середины 70-х, когда он еще ходил в школу и жил с родителями на третьем этаже панельной хрущевки почти в самом центре Винницы. Дело близилось к двенадцати ночи, Атасов сидел на балконе, грыз учебник физики и зевал, рискуя вывернуть челюсть. Внезапно дом качнуло, да так, что застонали панели перекрытий. Затем соседи повалили на улицу *«... в трусах иночнущих, сгибаясь, типа, под тяжестью ковров, телевизоров и прочих гребаных ценностей»*. Это было первое землетрясение, случившееся в жизни Атасова. Оно потрясло Украину с силой трех-четырёх баллов, не более, и оставило у Атасова чувство смутной потери, навсегда разрушив детское ощущение незыблемости дома, превратив его в *«обычную, типа, пятиэтажку»*.

Чуть позже отец Атасова, поправив пальцем сползающие на нос очки, – они у него вечно сползали, в особенности, когда он собирался изречь нечто *архиважное*, глубокомысленно заметил, что самым безопасным местом при землетрясениях, безусловно, являются туалеты. Мать немедленно возразила ему, назвав это такой же чушью, как и предшествующую подобным катаклизмам панику домашних животных. Их кошка, Чикешка, действительно, последние два часа благополучно *«типа проспала на своем любимом месте – верхней антресоли кухни»*.

Тем не менее, Атасов постоял немного в кабинке, слушая журчание воды в писсуаре и представляя, насколько хорош будет его видок, когда он выберется из-под развалин здания, единственный, оставшийся в живых, и *«типа, с ног до головы, вфекалиях»*.

Однако вскоре в туалет начали проникать звуки, которые может создать только милиция, занятая спецоперацией. Грохот ивопли доносились из той части коридора, где находился офис «Антарктики». Атасов быстро сопоставил одно с другим и отмел мысли о землетрясении. Пробыв в кабинке еще какое-то время, Атасов по пожарной лестнице поднялся на седьмой этаж, выкурил у окна десяток сигарет, с облегчением увидел Протасова и Армейца, укативших

в джипе, убедился, что за ними нет «хвоста», и спокойно покинул здание института в толпе сотрудников, спешащих отдаться уик-энду.

Прокладывая маршрут обратного пути, Атасов справедливо рассудил, что если нервные клетки и не восстанавливаются, то это совсем не относится к показателю алкоголя в крови. Когда он, в конце концов, появился в кабинете Правилова, это стоило ему всех усилий воли, на какие он был только способен.

* * *

Правилов наконец оторвался от Армейца, над которым все еще нависал со сжатыми кулаками, и шагнул в направлении Атасова. Армеец, только что отклонявшийся от наступавшего Правилова, так и остался стоять под некоторым углом к линии пола, словно знаменитая Пизанская башня.

Из создавшейся обстановки Олег Правилов сделал два совершенно очевидных вывода:
«Атасов не сбежал, а прибыл с деньгами».

«Атасов смертельно пьян, но всеми силами старается не подать и виду, сохраняя выправку, по которой знающий человек сразу различит бывшего строевого офицера».

Собственно, на какой-то такой вариант развития событий и рассчитывал в глубине души Олег Правилов, надеясь, что Атасов, как и всегда, не подведет. Так и вышло.

Правилов подошел к столу, склонился над селектором и нажал кнопку громкой связи.

– Инночка?

– Да, Олег Петрович, – низкий грудной голос секретарши наводил на мысли о звуках, какие она способна издавать, доведенная до кульминации в постели.

– Детка, сбегай, принеси нам что-то перекусить. И выпить, кстати!

* * *

Секретарша Инна, всем своим видом продолжая показывать Бандуре, что он даже не пустое место, а кое-что похуже, проследовала к вешалке, где накинула на гордо вздернутые плечики плащ, вооружилась дамской сумочкой и покинула приемную с видом манекенщицы, демонстрирующей очередной «шедевр» от Пьера Кардена. Едва только шикарные бедра Инны, различимые даже под плащом, скрылись в коридоре, Бандура подался вперед, потому что кнопка громкой связи на ее столе так и оставалась нажатой.

– Батя, да все путем, – по слегка уловимым пьяным ноткам Бандура опознал Атасова.

– Эта фирмочка, – продолжал монотонно Атасов, – отмывала грязные денежки... А Протасов, типа, с Армейцем, взяли ее в оборот. Деньги, типа, на разжигание национальной розни и подрыв, типа, государственных интересов... Может, типа, и под крышей у ментов... Короче, тогда всю эту дребедень можно забрать у них и передать, сами знаете кому... И без проблем. И решайте, дальше, типа, сами знаете с кем. Это уже не мой уровень...

Повисла гробовая тишина, а потом прозвучал тихий голос Правилова:

– А ты соображаешь, сынок...

«Что же, это был вариант, и, пожалуй, не самый плохой». – Правилов призадумался:
– *«Ай да Атасов... Вот ведь пьет, как сапожник, а мозги пока не пропил. Работают, извини-то. А Протасов, к примеру, и в рот не берет, а думать один хер нечем».*

Теперь, когда кровные доллары лежали на столе в относительной безопасности, благодаря предприимчивости Атасова, да плюс вырисовывался хоть туманный и скользкий, но все же путь, по какому можно следовать, – *«по крайней мере попробовать, а там, как Бог пошлет»*, – спасая деньги Ледового, Правилов немного успокоился. Его мысли, совершив некий невидимый оборот, снова вернулись к Бандуре. Вернее, к скверно одетому молодому незнакомцу,

ожидающему в приемной. К парню, назвавшемуся сыном старого армейского товарища, майора Бандуры (только вот даже позвонить товарищу нельзя). К провинциалу, нарисовавшему поразительно точный словесный портрет полковника экономической милиции и обворожительной дамы из ближайшего окружения олигарха. Красавицы Милы Клариковой, используемой олигархом для выполнения секретных поручений. Гораздо более важных, чем воплощение сокровенных сексуальных фантазий. К совсем зеленому пареньку, сумевшему каким-то образом отыскать и открыть некую потаенную дверцу в такой дальний уголок души Олега Правилова, о котором сам он давно позабыл...

Размышления Правилова прервал Атасов, который внезапно шагнул к столу и нажал на селекторе какую-то клавишу.

– Не понял, Атасов?.. Ты что это вытворяешь?!

– Громкая связь... – Атасов выразительно кивнул на панель, – ...была, типа, включена.

Правилон открыл было рот, но сказать ничего не успел, поскольку зазвонил телефон.

– Правилон слушает...

Атасов, Протасов и Армеец стояли молча, наблюдая за шефом с неподдельным вниманием, – *Кто знает, чего ожидать от того или иного телефонного звонка?* – Впрочем, на этот раз колокол звонил не по ним.

По мере того как Правилон слушал, его лицо каменело на глазах.

– Никакой аварии не зарегистрировано?.. Ошибка исключается?.. – последовала долгая пауза, заполненная, очевидно, монологом абонента на противоположном конце провода.

– Не поступала на штраф-площадку вообще?! Ты уверен?! – опять долгая пауза. – Это точно?.. – Молчание. – Понял, спасибо, конец связи.

– Армеец, – голос Правилова напомнил об угрюмых просторах Арктики, где в студеной воде болтаются льдины, – бери Протасова – и в приемную. Там паренек сидит, – пускай пойдет ко мне минут через пять. Ясно?

Протасов и Армеец исчезли с такой быстротой, словно в кабинете шефа их никогда и не было.

– Атасов, – лицо Олега Петровича сделалось совершенно пустым. Та самая дверца в душе Правилова, которую Андрею Бандуре удалось приоткрыть всего полчаса назад, захлопнулась с замогильным лязгом.

– К нам прибыл некий Андрей Бандура, утверждающий, будто он сын человека, служившего в моем батальоне двенадцать лет назад. – Правилон выдержал паузу. – Лично я ему не верю по целому ряду причин. Хочет устроиться к нам. Считаю это нецелесообразным. Возьми его с собой. Отдохнете... Протасов болтал про новое казино на Днепре. В Сырецком лесу есть рестораны... Мне все равно. Может, алкоголь развяжет ему язык. Другое что... Присмотришь за ним. Протасов и Армеец едут с тобой.

Атасов коротко кивнул и сделал было движение к двери, но Правилон удержал его жестом, показывая, что еще не закончил.

– Бывает, – Правилон пристально посмотрел в глаза Атасову, – человек переберет по молодости, пойдет покурить, перила низкие. А внизу, Атасов, река. Или набережная бетонная. Или озеро. В лесу Сырецком таких три. Подходящих. Тогда, значит, такая судьба...

Когда Атасов покидал кабинет Правилова, ему показалось, что он выходит из склепа.

Глава 3

САУНА ГОСПОДИНА БОНАСЮКА

Валерий Протасов уверенно прокладывал путь в потоке машин, выбирающихся под вечер из города. Нужно признать, что лавировал он с ловкостью носорога, оказавшегося в антикварной лавке. Ежеминутно сигналил, жал на педали, а баранку крутил с такой силой, что оставалось только удивляться, каким образом она еще держится на рулевой колонке. У Андрея, удобно устроившегося рядом с Армейцем на заднем сидении джипа, могучая спина Протасова, качавшаяся в такт перебирающим руль рукам, вызвала забавную ассоциацию, и он весело разулыбался. Андрею представился слесарь-садист, засевавший вечером в бойлерной многоэтажного дома, ожесточенно вращающий вентиляем подачи горячей воды и получающий утонченное удовольствие от душераздирающих воплей, доносящихся из ваннх комнат.

Движение на Воровского парализовала пробка. Протасов свернул налево, проскочил какими-то узенькими улочками и вырулил на бульвар Шевченко. Но и там они попали в затор. Где-то впереди произошла авария.

– Шило, типа, на мыло, – мрачно констатировал Атасов.

– Нагрели, блин, тачек... Накупили, в натуре, прав, – рычал Протасов. – Ксивы купил, а мозги не успел. А, Эдик?

Наконец «Ниссан-патрол» миновал стремнину бульвара и вырвался на простор Брест-Литовского проспекта, переименованного при Щербицком в проспект Победы. Внимание Андрея тут же привлекло снабженное внушительным куполом и колоннадой здание цирка справа, на что Протасов, уловивший этот интерес в зеркале заднего вида, радостно брякнул:

– Не грусти, брателло, свожу тебя как-нибудь на клоунов...

Армеец меланхолично заметил, что клоунов, особенно в последнее время, хватает и на улицах города.

Рот Протасова практически не закрывался с тех пор, как они вчетвером уселись в машину и покинули двор особняка. Едва только Олег Правилев со своими неограниченными возможностями «огорчить – хуже некуда» остался позади, Валерий воспрял духом. Узнав от Атасова, что они едут в сауну, Протасов сразу повеселел и незамедлительно предложил заложить крюк в сторону Большой окружной дороги.

– Хоть пару девчонок с собой возьмем, в натуре, а то в саунах такие расценки – долбануться, блин, головой...

Атасов молча отказал, и Протасов сосредоточился на дороге, время от времени оживленно комментируя умственные способности других водителей, а также всевозможные способы, благодаря которым те появились на свет.

Армеец покатывался со смеху, Бандура радостно поддакивал, пребывая на седьмом небе после того, как Правилев, дружески хлопнув его по плечу, передал на попечение Атасову:

– Вот что, Андрей, – сказал Правилев голосом отца-командира. – Отдохнешь с ребятами в выходные. Я приказал, чтобы устроили тебя нормально, – тут Правилев почти не лукавил, ведь слово «нормально» можно трактовать по-разному. – На неделе посмотрим, что можно сделать...

Так что паренек сидел, чувствуя себя Золушкой, встретившей на многотрудном и тернистом пути сказочного волшебника-Филантропа.

Они как раз проносились мимо танка, застывшего на бетонном постаменте, когда Атасов, единственный сохранявший мрачное молчание, махнул Протасову:

– Давай, типа, направо...

Протасов крутанул рулем, после чего джип, срезав две полосы и вызвав замешательство на дороге, влетел в узкую улицу. При повороте Атасов повалился на плечо Протасову, чем вызвал у того восторженное ржание:

– Ну, ты, Атасов, чего? «Мурзилка» по видеюшнику посмотрелся?

Они миновали несколько кварталов. Дома вокруг были по преимуществу пятиэтажками. Наконец Протасов резко нажал на тормоза. Джип понесло юзом, развернуло на асфальте, и он замер возле двухэтажного дома, почти полностью скрытого цветущими деревьями.

– Нормально все. Приехали, в натуре, – радостно сообщил Протасов.

– Ну, т-ты и ду-дурак, – слабым голосом отозвался Армеец.

Андрей прикинул в уме, на какой срок лишил бы его прав отец, вздумай он хоть разок обойтись таким образом с тормозными колодками их желтой «тройки». Вспомнив отцовскую машину, Андрей невесело вздохнул.

Они зашагали мощеной кирпичом дорожкой, пока не очутились под обшитой сосновой вагонкой дверью. Протасов вытащил из кармана руку, напоминающую садовые грабли, и надавил кнопку звонка.

– Бонасюк, барыга неумный, давай открывай!..

* * *

Сергей Украинский положил телефонную трубку, откинулся в высоком кресле, заложил руки за голову и потянулся всем телом. В спине что-то предательски хрустнуло. Украинский неодобрительно хмыкнул и скосил глаза в сторону своего «Панасоника». Жидкокристаллический дисплей таймера замер на цифре 45.

– М-да, – сказал себе Украинский, – м-да. Такие переговоры вести – это тебе не ушами трясти... Распинался сорок пять минут перед этой козой, будто она твоя первая учительница, а ты – ее главный любимчик. Ну-ну...

Он действительно вложился в пределы школьного урока, сжато обрисовав Миле Сергеевне ту *«хренову гору»* работы, что была проделана им за истекшие сутки. А перелопачено было немало. Подчиненные полковника, трудясь в поте лица, опечатали десяток складов, вывернули наизнанку приблизительно такое же количество офисов, наворотили целые терриконы бумаги и даже задержали кое-кого до выяснения, так сказать. Теперь, используя кипы документов, изъятых в сейфах «Антарктики», Украинский готовился к следующему этапу операции. Предстояло, в сущности, всего ничего – последовательно выявлять структуры, еще только вчера приносившие доходы Виктору Ледовому, и методично забивать в них гвозди 120-го размера.

Что сезон охоты объявлен, с ним же самим в роли главного загонщика, Украинский понимал очень хорошо. Что в качестве дичи выступает, на сей раз не зайчик-побегайчик, а матерый и зловредный кабан со связями, сознавал еще лучше.

Сергей Михайлович отдавал себе отчет и в том, что как только кабан почует охотников (скорее всего – уже почуял), то уж точно не обрадуется. А разъяренный кабан – это такое паскудное дело...

– Это неприятности. Ба-альшие неприятности.

Назойливая мысль о том, что Виктор Ледовой при неблагоприятном (для Украинского) обороте дела в состоянии проглотить, не разжевывая особо *«и вкуса, скотина, нераспробует»*, дюжину милицейских полковников, не давала покоя Украинскому еще по дороге из Крыма. Мощь свою Виктор Ледовой черпал из источников на такой высоте, куда Сергей Михайлович и заглядываться-то опасался, чтобы не вывихнуть ненароком шею.

В сложившихся обстоятельствах Украинский предпочел бы переговорить с самим Артемом Поришайло, который, собственно, и навел ведомство полковника на Виктора Ледового, как ракету на цель. Только вот Поришайло упорно предпочитал оставаться в тени, предоставив

Сергею Михайловичу возможность отчитываться перед восхитительной Милой Клариковой. Полковнику это нравилось, как кошке поводок, но поделаться ничего не мог, – его зависимость от Поришайло была чересчур велика.

– Сергей Михайлович? – голосок Милы – сама любезность, хоть бери и к ране прикладывай. – А вы не забыли о личной просьбе Артема Павловича?

Он не забыл и об этом. Как же, забудешь, как и о прогрессирующем флюсе во рту. Речь шла о депутате, которому покровительствовал лично Поришайло. Депутат прибыл в Киев из далекого шахтерского края, защищать народные интересы. И даже защищал одно время, пока чрезмерные увлечения иностранными автомобилями, доступными женщинами и прочими атрибутами из жизни новоиспеченного отечественного политического «бомонда» не сыграли с ним злую шутку. Народный избранник стал жертвой шантажиста, свившего гнездо разврата в коммерческой сауне на Сырце. Сауна оказалась оборудованной первоклассной системой звуко- и видеозаписи. Там депутат и вляпался по самое, что называется, не могу. Пытаясь освободиться от стресса, полученного на очередном пленарном заседании, съездил вечерком в баньку и влип, как кур во щи. Гнусный шантажист требовал денег, обещая, в противном случае, обнародовать кое-какие сцены трепетного общения депутата с двумя обворожительными девушками. Причем оставалось неясным – члены ли эти девицы избирательного штаба депутата, или нет?

Как бы там ни было, депутат пожаловался Поришайло. Артем Павлович незамедлительно и с восхитительной легкостью повесил и эту проблему на шею Сергею Украинскому.

– Я не забыл, Мила Сергеевна.

– Тогда у меня все, желаю удачи, Сергей Михайлович.

Полковник Украинский встал из-за стола, прошелся по кабинету и снова потянулся, разминая затекшие мышцы. Пересек комнату и остановился у окна. Город утопал в зелени.

– Как оно быстро всегда, раз – и все зеленое, – пробормотал Сергей Михайлович. Постоял у открытой фрамуги, вдыхая свежий воздух, наблюдая картину города, купающегося в лучах великолепного заката, ни на чем не сосредотачивая взгляд и чувствуя, как благодаря теплым краскам вечера отдыхают натруженные глаза. Усталость, накопившаяся в нем за последние месяцы, давила каждую клеточку тела многотонным грузом, но он понимал – отдыхать пока рановато.

– Помру я скоро, – сказал полковник в пустоту кабинета. Потом двинулся к столу, опустился в кресло и, толкнув пальцем клавишу спикерфона, принялся набирать номер.

– Володя?

– Здравия желаю, Сергей Михайлович.

– Ну, что там у тебя?

– Не беспокойтесь, Сергей Михайлович, ребята уже едут...

Так и должно было быть, но Украинский полагал, что лучше «перебдеть, чем недобдеть».

– Нехай они этого Бонасюка разнесут к херам! – с неожиданной злобой зарычал полковник.

– Будет сделано.

– И чтоб вытрясли все. Понял? Все!

– Ясно, Сергей Михайлович.

– По результатам доложишь.

Украинский направился к вешалке, надеясь, что с работой на сегодня покончено и он, наконец, с чистой совестью может покинуть управление.

* * *

Звонок за обшитой вагонкой бронедверью разливался соловьиными трелями. Затем в глубине первого этажа затрещал дисковый телефон. Дом настороженно молчал. Если в нем и теплилась жизнь, то она умело маскировалась.

Бандура искоса поглядывал на Протасова, трезвонившего в дверь с восхитительным упорством, и взвешивал в уме возможные варианты дальнейшего развития событий. Андрей предполагал, что либо здоровяку рано или поздно надоест торчать в позе салютующего кирпичной стене гитлеровца и он оставит звонок в покое, либо искусственный соловей умолкнет навеки, сраженный замыканием в обмотках. А может, хозяева дома выйдут из состояния летаргии. Грозные желваки, игравшие широкими скулами Протасова, пророчили, что пробуждение будет ужасным.

«Я бы уже не открывал», – с содроганием подумал Андрей.

– Мо-может, нет никого в таможне? – подал голос Армеец.

– Ага, в банный день... – Протасов мечтательно оглядел фасад. – Я вот сейчас возьму в джипиле своего винтаря да как вдолбеню, конкретно, по окнам...

Не успел Протасов захлопнуть рот – надо сказать, обещание *«конкретно вдолбенить по окнам»* было произнесено исключительно убедительно, убедительность вообще сквозила у Валеры во всем, – как из-за двери донеслось очень осторожное шерудение. Будто там завелась мышь.

– Бонасюк, твою мать! Давай открывай! – выплюнул в дверь Протасов.

Послышался звук отодвигаемых засовов. Дверь, пугливо дрогнув, приоткрылась где-то на треть.

Весь вид возникшего на пороге низкорослого толстяка лучше всяких слов свидетельствовал: холестерин – зло. Андрею пришло в голову, что толстяку сам Бог велел зашибать огромные деньги, снимаясь в антирекламе заварных пирожных, корзинок с масляным кремом и прочих вкусных, но бесполезных кондитерских изысков. Для Общества защиты потребителей, например.

«Да ты, Толстый, без балды, талант в землю зарываешь».

Судя по обильно сдобренным сединой некогда черным волосам и впечатляющим мешкам под глазами, толстяку было лет сорок пять, если не больше.

– Ты чего, Бонасюк? Ты что, спал?! Спал, да?! – Протасов шагнул в дверь, вдавив Бонасюка вовнутрь.

– Да я просто поистине...

– Перекрываешься, да? – напустился на него Протасов. – Забурел, да? В лес, конкретно, захотел?

– Да я по-честному... – глаза Бонасюка выражали уныние. Правда, заметить это было довольно сложно. Его зрачки постоянно находились в хаотическом броуновском движении, отчего встретиться с толстяком взглядом, – еще та была задача.

– Да ладно, Бонасюк. Нормально все... – успокоил Армеец.

Бандура двинулся за Протасовым и вскоре очутился в холле, обставленном прекрасной мягкой мебелью. Посередине комнаты в чаше, с большим искусством выложенной камнями, о названии которых Бандура мог только догадываться, журчал прелестный фонтан. Внутри чаши, сверкая капельками студеной воды на коже, лениво плавали яблоки. За приоткрытой двустворчатой дверью Андрей с изумлением обнаружил широкую бирюзовую гладь нехилого плавательного бассейна.

Армеец направился к фонтану и, после некоторого колебания, извлек из воды яблоко. Атасов открыл холодильник и потянул с полки первую попавшуюся под руку бутылку. Бандура

же неловко топтался в углу, он хотел произвести хорошее впечатление на такого важного человека, каким, по его мнению, мог быть владелец частной сауны.

Протасов плюхнулся на кожаный диван. Диван откликнулся отчаянно-протестующим скрипом. Бонасюк вошел в холл последним, качая головой, будто китайский болванчик.

– Я думал сегодня, поистине...

– Давай, Бонасюк, кочегарь все эти вещи, чтоб все путем, – Протасов нашарил пульт, включил телевизор, висящий под потолком, и внезапно рявкнул на замешкавшегося было Бонасюка, – мухой, давай!

Все три подбородка достойного владельца сауны затряслись от праведного возмущения, но он благоразумно смолчал. Противно шаркая ножками, Бонасюк отправился вглубь помещения. По дороге он продолжал вращать своими неуловимыми зрачками.

* * *

В поле зрения группировки Олега Правилова частное заведение Василия Васильевича Бонасюка угодило совершенно случайно около двух месяцев назад. Началось все вот с чего.

В конце февраля, прошлепав сапогами по серо-черным остовам сугробов, в сауну вломилось с полдюжины наглых и крикливых малолеток. На календаре значилась зима, но стояла оттепель, снег со льдом таяли, на улицах была невообразимая грязь. Такая, перед которой бессильны любые коврики, устилаемые при входе в помещение. Бонасюк даже скрипя сердце, согласился доплачивать какие-то гроши постоянно роптавшей бабушке-уборщице.

Так вот, малолетки шныряли по сауне, а грязь с их ботинок стекала на шикарные ковры, влетевшие Бонасюку в копеечку. По сорок американских долларов за один квадратный метр, и все – из собственного кармана.

В сущности, малолетки могли бы и не открывать ртов, Бонасюку и без слов все стало ясно. Однако Василий Васильевич, вынужден был выслушать, что он *голимый барыга, впершийся без спроса на чужую территорию*. Что он еще и *мудила, который конкретно попал*. Из всего вышперечисленного следовал однозначный вывод о том, что – он, *конь, бабло должен*, а размер штрафа – *пять кусков зелени*.

– А будешь, падло, тявкать, поставим на счетчик, пожалеешь, что на свет появился. А побежишь в мусарню – тут тебе и конец. И при чем все это – *без базара*.

Бонасюк выслушал молча, для виду покивал головой и абсолютно со всем согласился, а его зрачки бегали из стороны в сторону вдвое быстрее обычного. Чувством самосохранения Господь его не обидел. Оставшись в одиночестве, он кинулся по изуродованному ковру к телефону и вопреки дрожащим пальцам, довольно оперативно дозвонился своей жене Кристине.

– Кристичка, золотце, я поистине очень сдю... – выдохнул Вася в трубку.

Жена Василия Васильевича была стройной эффектной шатенкой, обладательницей потрясающей груди и чарующих зеленых глаз, выше мужа на две головы и моложе лет на пятнадцать.

Кроме того, Кристина была деловой женщиной со связями, идущими так высоко, что Бонасюк и знать не хотел. Именно Кристина предложила инвестировать в строительство коммерческой сауны стартовый капитал, образовавшийся, когда большой дом родителей Бонасюка в Лесной Буче пошел с молотка. Лишь благодаря жене Василий Васильевич, прозябавший в начале девяностых на одной из кафедр Горного факультета КПИ, занялся новым для себя делом по оказанию бытовых услуг населению. Он вообще-то не хотел, он упирался, как мог, но: *«...кандидатскую свою можешь в задницу запихнуть, Вася. Если ты и дальше собираешься наживать геморрой в институте, пускай слюни на студенток, я найду себе другого партнера»*.

Бонасюк любил жену. Кроме того, он хотя бы иногда смотрел в зеркало и даже находил в себе мужество трезво оценивать увиденное. Он испугался. И решился.

– Василечек, а что за люди приходили? – звонок застал Кристину в косметическом салоне, нежашейся в лучах ультрафиолета. Она совсем не испугалась. Время было такое тревожное, что стоило только удивляться, как вообще удалось проработать больше года, ни разу не попав в поле зрения бандитов.

– Малолетки, Кристичка, но злющие... Поистине думал – конец мне, – в голосе Василия Васильевича появились плаксивые нотки, – что-то мне плохо, по-честному, пойду-ка я домой...

– Успокойся, Вася. Сейчас приедут люди, они разберутся... – и, почувствовав, что прозвучало резковато, добавила: – Запри дверь и подожди их, Василек. – Кристина отложила мобилку, изящно откинулась в кресле, отчего ее грудь повернулась к потолку, подобно двуглавой горной вершине, и сказала подруге, загорающей под соседней лампой:

– Анечка, солнышко, а мне нужна твоя помощь...

Василий Васильевич все еще вздрагивал рыхлым телом, когда, пригнув голову, чтобы не зацепить дверной косяк, порог сауны впервые перешагнул Протасов. На его могучей шее – «это нешея, это поистине ствол какого-то дуба», болталась толстенная золотая цепь. Цепь искрилась отблесками растровых светильников, вмонтированных в холле повсюду. Великан добродушно улыбался, но отнюдь не выглядел добряком.

«Я по-честному на его улыбочку не куплюсь», – решил Бонасюк.

– Здоров мужик. Ну и где тут твои хулиганы?

Василий Васильевич сразу почувствовал, что хулиганов он больше не увидит.

В джипе, оставленном на подъездной дорожке, ожидали Атасов и Армеец. Для подстраховки, так сказать.

– Со-сопляки, с-старик, сопляками, конечно, а шило в легкое за-засунут – у-удивиться не успеешь, – Армеец поправил ляжку висевшего подмышкой пистолета-пулемета «Узи», калибра девять миллиметров.

Вскоре состоялась стрелка, в ходе которой малолетки на собственной шкуре убедились, что противостоять с бейсбольными битами автоматическому оружию – это не прошвырнуться в парке.

Затем Протасов, весело хлопнув Бонасюка по спине, отчего тот пробежал вперед не менее пяти шагов, добродушно заржал:

– Вот и все, а ты боялась, даже юбка не помялась!

Бонасюк покрылся красными пятнами.

– Значит так, – продолжал громогласно Протасов, – ежели какой скот наедет...

– Валера, п-проверить сначала бы надо, – перебил Армеец, имея в виду, что они практически ничего не знали ни о самом Бонасюке, ни о его заведении. Мало ли, какой бизнес может крутиться под вывеской невинной баньки. У Бонасюка, например, имелось несколько вмонтированных в стены высококлассных видеокамер. Техника не простаивала, давно отбив затраты на приобретение. Бонасюк, естественно, распространяться об этом не спешил.

– Да ты гонишь, Эдик. Будешь абонементы в своей долбаной библиотеке проверять. – Он снова повернулся к Бонасюку.

– Короче, слушай сюда, Васек. Ежели какой скот наедет, – ты, блин, работаешь под Правиловым. Усек? Правилов – твоя крыша, – врубаешься? Кто не вкурит – звони на мобилу, забиваем стрелу и кылдык. Ты понял, да?

– Спасибо, ребята, – Бонасюк смущенно шаркал ножкой, – поистине помогли, – и все ждал, когда же эти головорезы сядут в свой джип и упрутся куда подальше.

– Ну ни хрена себе, спасибо!?! – Протасов еще больше развеселился, – ну ты, блин, даешь, конкретно...

– Пятьсот баксов, типа, в месяц, не дорого будет для тебя? – Атасов придвинулся с другой стороны и смотрел испытующе, – за защиту, типа...

Бонасюк пустился в путаные и пространные рассказы о притеснениях со стороны санэпидемстанции и пожарных, намекая, что он еще толком и на ноги-то подняться не успел.

– Финансы, поистине, поют романсы...

Атасов и Протасов переглядывались недоверчиво, такие байки им доводилось слышать не раз. С другой стороны, они прибыли по прямому распоряжению Олега Правилова «помочь хорошему человеку». Насколько хорошему и, главное, – близкому – Правилон уточнить не удосужился. Выход подсказал Армеец, говоривший редко, но метко, и они отбыли, получив неограниченный кредит париться, когда заблагорассудится.

– Пока харя не треснет, – метко подытожил Протасов.

* * *

Они и не злоупотребляли открывшимися возможностями, когда, прихватив с собой Бандуру, прибыли в «шаровую» сауну всего в десятый раз.

– Так твой батя, типа, служил в Афгане с Правилоним? – Атасов возлежал на осиновой лавке парилки с непринужденностью, свойственной древнеримским патрициям. – А в каком, типа, году?

Алкоголь, пожирающий Атасова изнутри, подобно термитам, подтачивающим великолепный дуб, еще никак не сказался на его теле: Атасов был сложен, как Аполлон.

– Да я тогда сосем малым был, – Андрей пожал плечами. Он еле ворочал языком от невыносимой жары, царившей в парилке, и с ужасом поглаживал на Атасова. Пока Бонасюк растапливал баньку, Атасов в одиночку расправился с целой бутылкой джина. Андрей ожидал, что джин вот-вот закипит в атасовской голове, но ничего подобного не было и в помине.

– А в каких войсках твой батя служил? – взгляд Атасова оставался пытливым, глаза – абсолютно трезвыми. Видимо, алкоголь оказывал на его мозги примерно такое же воздействие, какое обыкновенно оказывает чашка крепкого черного кофе. Невероятно, но факт.

– Да в пехоте, кажется, – Андрей задумался. В ящиках старой румынской стенки, которую он помнил с детства, присутствовали в качестве главных приобретений, сделанных отцом в армии, самые разнообразные армейские значки. Парашюты, звездочки, скрещенные стволы орудий и даже танки. Танками Андрей пробовал играть в детстве, хотя здорово мешали торчавшие из них хвостики, предназначенные, судя по всему, для навинчивания гаек.

– Или в десанте...

– Вот Атасов был майором, – Протасов явно скучал. – А, Атасов? Ходил бы в генеральских лампасах, в натуре, если б бухал поменьше?..

– Ва-валерка, например, два года протоптался на ку-кухне, – Армеец потянулся на лежаке, – видишь, Андрюша, какую мо-морду наел. Как привык ч-челюстями двигать, так до сих пор не может о-остановиться.

– Дебилы вы все, – лицо Протасова потускнело. – Нет, в натуре, Атасов, какого хрена ты приклепался к пацану со своим долбаным Афганом? – Протасов шумно вздохнул, очевидно раздумывая, продолжать или не стоит. – Вот был у меня дружок... Толковый пацан, грамотный. В институт поступил. Реально. Без блат. А потом – Афган. Ну, нормально все, два года в десантуре, медали там и все дела. После дембеля проходил дома пару месяцев, как контуженый. Мать все ждала – в институт восстановится... А он... Походил, говорю, – Протасов перевел дыхание, – походил, и пошел с веревкой в ванную. Вот... Матушка его теперь бутылки собирает... – лицо Протасова стало каменным. – Говорят, в переходе с сигаретами стояла, так козлы какие-то прогнали. Я вот раскручусь немного, подъеду, в натуре, и всех этих козодоев

завалю. – Протасов обернулся к Армейцу, – Чуешь, Эдик? Я ж ему говорил про девчонок, а? – он с укоризной поглядел на Атасова, – так он, в натуре: типа, не в этот раз...

– Купи себе, типа, надувную...

– Ты моя резиновая женщина, – Протасов снова развеселился.

– Слышишь, Андрюша, – Армеец доброжелательно взглянул на Бандуру, – как самый мо-молодой, сгоняй в холодильник за пи-пивком.

Андрей встал, провожаемый словами Протасова:

– Ого, блин, нормально. Уже и дедовщина пошла.

* * *

Некогда ухоженная серая «Победа», ГАЗ-20, о которой отец американского автомобилестроения Генри Форд, если, конечно, верить расхожему при Советах анекдоту, сказал, что «это уже не трактор, но пока и не автомобиль», притормозила у светофора на Сырце.

Старушка стала дожидаться зеленой стрелки, а пронсящие мимо машины обтекали ее, как вода замшелый валун. Багровый закат играл на остатках хрома некогда зеркальной облицовки, массивный кузов во многих местах тронула ржавчина. Но реликты потому и становятся реликтами, что не сдают позиций без боя. Согласно затертой поговорке, танки никогда не моют. Это не так. На самом деле танки драют, да еще как. Гораздо ближе к истине то, что танкам почти не страшна коррозия. А «Победа» со своим двухмиллиметровым корпусом, если и не танк, то нечто весьма похожее.

В былые времена, лет тридцать или сорок назад, «Победой» вполне бы мог владеть, – да что там мог, наверняка владел – некий бодрый дедуган в бежевой кепке и такого же цвета рубашке с короткими рукавами и накладными карманами по бедрам. В одной из тех рубаш, что носились непременно навывпуск несколькими поколениями дедуганов, начиная с хрущевской «Оттепели» и по зарю «Перестройки» включительно. Когда вымерли, как динозавры от похолодания. К сказанному остается добавить, что безмянный дедуган мог быть кем угодно – отставником, выдавшим фронт не на картинках, вышедшим на пенсию режиссером, а то и начальником средней руки, слетевшим с поста при Хрущеве, достаточно стремительно для того, чтобы не успеть сменить честно выстраданную «Победу» на более престижную «Волгу».

Только вот на дворе была весна 93-го, так что салон «Победы» занимали совершенно иные люди.

– Леха, мудака, убери обрез, пока мусора не попалили, – водитель «Победы» – молодой парень в протертом черном свитере на голое тело и засаленных донельзя джинсах, яростно махнул кулаком под самым носом соседа: – связался, блин, с клоунами...

– Не гони, козел, – ощерился с пассажирского сиденья Леха, – где ты ментов срисовал? Обкололся с утра, недоносок?

Оба говорили отрывистыми фразами, характерными для наркоманов под дозой, и были взвинчены до предела.

– Заткните хавалы, вы оба, уроды гребаные! – заорал поразительно чистым тенором третий пассажир «Победы». Он занимал заднее сиденье и голос имел, что надо. Случись карте лечь по-другому, – голосовые связки обеспечили бы ему место вокалиста в оперном театре не из последних. Случись только лечь... Но у жизни причудливое чувство юмора. Фортуна повернулась к нему спиной. Теперь он кололся, когда башли позволяли, нюхал клей, сидя на мели, и кантовался с этими отморозками, которые под кайфом друзья, а как заломает – так и зарезут за дозу.

Четвертый пассажир «Победы» в диспуте не участвовал. Это был здоровенный лысый детина с трехдневной щетиной на круглом лице дебила, и все ему было по бую. Лысый ритмично двигал верхней частью туловища: вперед-назад, вперед-назад, вперед-назад. Как мело-

ман, увлекшийся забойным роком в наушниках. Правда, ни наушников, ни плеера, у Лысого не было.

– Я тебе сейчас самому рот членом заткну, – взвился сидящий за рулем обладатель черного свитера.

– Зеленый, поехали, мудака! – выкрикнул с правого сиденья Леха, не упускавший светфор из виду.

Сзади раздался протяжный автомобильный гудок. За первым вскоре последовал второй.

– Спешись, сука?! – Черный Свитер рванул из джинсов выдавший виды наган и дернулся к двери, но Леха вцепился ему в плечо и яростно зашипел:

– Совсем охренел? В натуре хочешь, чтоб менты замели?

Черный Свитер сбросил Лехину руку с плеча и воткнул первую передачу. «Победа» тяжело тронулась с места и свернула на улицу Гонты. Сигналившая им на светофоре раздолбаная серая «девятка», надрываясь полуторалитровым мотором, обошла «Победу» слева и далеко вырвалась вперед. Водитель «девятки» еще раз возмущенно посигналил, просто не догадываясь, какая чаша его миновала.

– Давит, козел, давит, а оно – не давится, – прокомментировал Леха.

– Вот гнида, надо было его завалить, – сказал Черный Свитер, однако чувствовалось, что он почти успокоился. Даже сунул наган на прежнее место в джинсах.

– Ты себе яйца когда-то отстрелишь, однозначно тебе говорю, – Леха доброжелательно взглянул на соседа.

Метров через шестьсот, в районе поросших бурьяном шпал Детской железной дороги, «Победа» снова затормозила. Черный Свитер собрался повернуть налево, Леха горячо возражал. У Тенора было свое мнение. Вспыхнувший спор едва не завершился смертоубийством.

Прошло еще минут двадцать, пока Леха, вслух отсчитывавший номера домов, с нервным смешком бросил:

– Стой, слышь, вот оно...

Двухэтажный дом, перед которым они оказались, скрывался в густой листве по самую черепичную крышу. Деревья праздновали весну, но экипажу «Победы» было не до буйства природы. Поперек подъездной дорожки, выложенной желтым кирпичом, мирно дремал бутылочного цвета джип. Огонек сигнализации с плавающим кодом, словно обезумевший светлячок, метался внутри салона, озаряя тонированные стекла тревожными рубиновыми сполохами. Этот нервный огонек почему-то сразу вывел Леху из равновесия.

– Козлина заживевший!..

– Замажь хлебало, – Черный Свитер потушил фары. «Победа» замерла в пяти метрах от джипа. – Владимир Петрович сказал, слышите, всех на хрен умотить. А с жирного еще вытрясти кассеты.

– А деньги у него есть? – Тенор жадно мусолил в руках ТТ с полностью затертыми номерами.

– Да есть, есть. Задолбал!

– Не командуй!

– Прихлопни плевалку, сука!

Леха, не сводивший глаз с суетливых огоньков сигнализации, и уже жгуче их возненавидев, спросил хрипло:

– Всех, значит, велел замочить? А чей это джип? Жирного? Твой Вова ответит за базар, если там кодла сидит со стволами? – Леха повел дулом обреза в направлении обшитой вагонкой двери. Как в воду глядел. Черный Свитер вытащил на свободу наган, отстрелить из которого мошонку ему была не судьба:

– Да ты гонишь. Какая кодла?! Крутарь прикатил шлюху трахать.

Тенор нервно захихикал. У него давно не было женщины, и это его удручало.

– Эй, коматозник, – Черный Свитер наклонился к Лысому, – вставай, твою мать, отморозок. Приехали.

Они посыпались из «Победы», готовые буквально на все.

Леха передернул затвор обреза. На погрузившейся в сон улице металл лязгнул оглушительней выстрела. Черный Свитер и Тенор уже подходили к двери, когда отставший на пару шагов Леха все-таки не удержался и изо всех сил пнул передний бампер внедорожника. В следующую секунду фары машины вспыхнули, тишину вечера разорвал пронзительный вой сигнализации.

* * *

Удержать восемь покрытых изморозью ледяных банок пива в руках, в то же время, не позволив им коснуться раскаленного голого живота, – задача не для слабонервных. Андрей миновал холл, балансируя на грани фола, и споткнулся при входе в бассейн. Падая, разжал руки. Банки посыпались на кафельный пол с грохотом артиллерийских снарядов.

«Вот ведь знал, идиот, чем кончится, опустошая чертов холодильник. Знал. А все равно греб».

Андрей нагнулся за ближайшей жестянкой и, не долго думая, откупорил. Банка рассерженно зашипела.

«Отчего, спрашивается, звук открываемой пивной банки так радует слух?»

«От того, что рождает ощущение исключительно комфортного времяпрепровождения, лапоть».

Первая встреча с упакованными в банки напитками – «Колой», «Фантой» и, конечно же, пивом состоялась у Андрея в Венгрии. В те славные времена большая часть советского народа, та, что к закрытым партийным распределителям никакого касательства не имела, подобную роскошь могла увидеть разве что с экранов кинотеатров. Или на страницах детективов Джеймса Хедли Чейза. На пасеке в Дубечках о баночном пиве, по понятным причинам, довелось надолго забыть.

Первый глоток показался обжигающим. Ледяное пиво, сковав стужей гортань, покатилося вниз по пищеводу, и Андрей замер, наслаждаясь каждым сантиметром этого многотрудного пути.

«Ух, и хорошо, мать вашу».

Когда пиво достигло дна, то есть желудка, Андрей удовлетворенно крикнул, глубоко вздохнул и, совершенно неожиданно для себя вспомнил друга юности Игоря Войтенко. Игорь, в свое время, смея ради, составил целый список всевозможных житейских радостей. В том перечне ледяное пиво в жару занимало почетное место между горячим кофе с мороза и водкой, когда душа просит. Впрочем, свободный сортир, в случае приступа диареи, в рейтинге Войтенко котировался много выше, с чем Бандура не спорил тогда и с чем не стал бы спорить сейчас.

«Ни в коем разе...»

Из глубины подсобных помещений тихонько выплыл Бонасюк. Искоса взглянул на банки, разлетевшиеся по всему полу, с тоской думая о возможных повреждениях, полученных дорожкой испанской плиткой. Тяжело вздыхая и вибрируя всеми тремя подбородками, хозяин сауны проследовал мимо Андрея и исчез в прихожей.

Бандура смущенно развел руками, *мол, виноват, хотел как лучше, вышло известно как*, залпом добил свою банку и принялся за сбор оставшихся семи. Он тянулся за последней, закатившейся под дверь душевой кабины, когда во дворе истошно завопила сигнализация.

«Это же Валеркин джип!» – успел сообразить Андрей.

* * *

– Эдик, блин. Пожалел бы ты своих престарелых родителей, а? – Протасов сокрушенно потряс головой, – лучше сын-дебил, чем вообще никакого. Если тебе и не дала вчера какая девчонка, это ж, в натуре, не повод, чтобы уходить из жизни, обожравшись ледяным пивом в парилке, – лицо Протасова выражало неподдельную грусть, – Атасов, ты хоть ему скажи. Красиво, конечно, блин, придумал, от пневмонии скопытаться, сразу видать, грамотный черт.

Армеец криво улыбнулся:

– Я пиво для те-тебя заказал, Валерка.

– Со мной не выгорит ни хрена, – Протасов постучал по голове. – У меня ж тетка в аптеке тусуется, у ней антибиотиков – завались...

– Саня, – Армеец повернулся к Атасову, нетерпеливо махнув Протасову, чтобы заткнулся наконец, – Саня, я полагаю, д-дружище, что тебе самое время рассказать, что это за па-парень? – Армеец кивнул в сторону прихожей, – и какого че-черта мы с ним носимся, будто он сын Сары Коннор, а мы – трое г-гребаных терминаторов? Он что – грех молодости Олега Петровича?

– Вот что, – Атасов склонился к друзьям. Их лица, покрытые каплями пота, багровые в отблесках раскопегаренной каменки, наводили на мысли о сталеварах. Как в песне поется:

Крепче, чем жену-старушку,

Я люблю свою пещушку,

И родней родного брата

Мне двенадцать тонн проката...⁶

– Вот что, – повторил Атасов и запнулся, потому что во дворе взвыла сирена. – О, типа! Валера, кажись, твой джип потрошат...

Протасов подхватился на ноги:

– Е-мое! Точно! Это ж мой «Патруль» разрывается. Бонасюк!!! – он закашлялся. Головные связки в накаленной до одури атмосфере дали сбой, – Бонасюк, – свистящим щепотом. – А ну-ка, иди глянь, чего там с машиной...

– Он те-тебя у-услышит...

Протасов плюнул и шагнул к выходу. Уже с порога он бросил через плечо:

– Атасов, блин? Что за беспредел в этом долбаном городе творится? Третью за полгода магнитола выдирают. С кишками, блин! Это в подконтрольном районе, а?! Ну, поубиваю клоунов!

Окна холла выходили на задний двор. Бассейн и парилка их вообще не имели. Василий Васильевич засеменял по коридору к двери, бурча под нос про бандитов, купающихся в сауне на дурняк.

«А ты, поистине, еще и вездеходы бандитские охраняй...» – с этими словами Бонасюк отодвинул засовы.

Лично он полагал, что виной всему ветер.

«Или машина какая проехала. Нахватали, поистине, джипов, натолкали в них сирен разных, – а то, что другой пожилой человек после таких воплей до утра глаз не сомкнет, кому из них интересно...»

⁶ Стихи Я.Зуева

* * *

В следующую секунду Бонасюк валялся на полу, обеими руками схватившись за голову. Из разбитого лба хлестала кровь, а Вась-Вась истошно орал:

– Ой, не убивайте меня, поистине, только не убивайте!!!

Четыре пары ног перескочили через его распластавшееся по ковру тело, наступив на несчастного банщика не менее пяти раз.

Суки, всем стоять! Завалю! – крикнул Черный Свитер. Он пулей проскочил через холл, здесь было безлюдно, влетел в комнату с бассейном и врезался в опешившего Протасова. Протасов окаменел возле самой кромки воды, огромный, как Родосский колосс,⁷ и почти такой же неподвижный. Лицо Протасова выражало жесточайшее изумление, а то и панику.

– Ну, крутой, где твоя шлюха?! – завизжал из-за спины Черного Свитера Тенор. Полотенце, небрежно повязанное на бедрах, соскользнуло на испанский пол, но Валерий этого не заметил.

– Твой, сука, джип? – Леха уткнул воронье стволы обреза в волосатую грудь Протасова. – Твой, сука?

Протасов словно онемел. Его мозг, будто заезженную в музыкальном автомате пластинку, заклинило одной нехитрой мыслью:

«Е-мое. Вот это, в натуре, и попарилась в баньке. Ох и попал я... Попал, попал, попал...»

– Лысый, – гаркнул Черный Свитер, – Лысый, твою мать! А ну волоки сюда жирную старую гниду.

Лысый скрылся в холле, но вскоре появился опять, волоча почти бездыханного Бонасюка. В руках Лысого Вась-Вась смотрелся неодухотворенным мешком с картошкой. Судя по скорости, с которой тело Бонасюка скользило по кафельному полу, Лысый обладал просто невероятной силой. Бонасюк тихо верещал, как будто в нем прикрутили звук, и закрывал голову руками.

– Что, свинья толстожопая? – нагнулся к нему Черный Свитер, – Жить хочешь? – и, не дожидаясь ответа, ударил Бонасюка в лицо. – Где кассеты с трахалками, сука?

Пока Черный Свитер проводил бесхитростный допрос Вась-Вася, в лучших традициях гестапо, Тенор проскользнул вдоль бассейна и достиг двери в парилку.

«Шлюха, где шлюха?» – бухало в его голове. От нетерпения Тенор негромко повизгивал. Впереди его ожидали лишь разочарование, боль и смерть.

Вместо картины сжавшейся в дальнем углу насмерть перепуганной женщины (желательно, голый), – ох и нравилось Тенору вызывать трепет – его встретила левая нога Атасова, с невероятной силой угодившая Тенору в пах. К такому обороту событий Тенор оказался не готов.

Используя жалобно завывающего Тенора в качестве живого щита, Атасов ринулся из парилки. Черный Свитер оказался на высоте: он среагировал немедленно, выпустив по Атасову четыре пули. Все до единой легли в десятку – Тенору между лопаток, вследствие чего тот из незавидного положения живого щита перешел в совершенно безнадежное – мертвого.

Над бассейном расплылось сизое облако порохового дыма.

Леха спустил оба крючка своего двуствольного обреза. Раздался сухой треск.

«Мне крышка!» – С тоской подумал Протасов.

⁷ Одно из семи чудес света по Филону Александрийскому. Гигантская статуя бога Солнца Гелиоса (36 м), установленная на Родосе (остров в Эгейском море) архитектором Харесом. Колосс простоял всего 56 лет и, в 222 до Р.Х. был разрушен землетрясением

В животе у него настала пустота, руки и ноги отказали. Готовясь беззаботно воспарить к потолку, – «*Вот, в натуре, и грохнули меня. Спасибо, хотя бы безболезненно*», – он скосил глаза на свою голую грудь. – «*Один хрен тю-тю*». – Вместо ожидаемых, выражаясь бездушным медицинским сленгом, несовместимых с жизнью травм, – то есть черно-красной дыры с обгорелыми краями, откуда торчит крошево ребер, – Протасов обнаружил два соска под густой шерстью и мышцы, мышцы, и еще раз мышцы. Все как всегда. Протасов недоуменно разинул рот, поднял голову и уставился в оба ствола.

– Осечка, сука! – разочарованно проговорил Леха. Это были его последние слова.

Валерий заревел, как медведь-шатун, и сжал Леху в объятиях. Леха клещем вцепился в обрез, Протасов оступился, и оба полетели в бассейн, обдав оставшихся на суше целым водопадом брызг.

Воспользовавшись столь неожиданным изменением оперативной обстановки, Бонасюк по-пластунски пополз в прихожую. Сноровка, проявленная Вась-Васем вопреки заплывшему салом телу, тянула на значок ГТО.

Армеец, выскочивший за Атасовым из парилки в чем мать родила (надо признать, костюм Адама шел Эдику не хуже прочих), метнулся к бесхозному пистолету Тенора, но тут же попал под сокрушительный удар Лысого. Армеец потерял равновесие и растянулся на полу, сильно ударившись головой о мраморный выступ бордюра.

Атасов, оттолкнув бездыханное тело несостоявшегося оперного певца, чья жизнь оборвалась столь внезапно и так нелепо, прыгнул к Черному Свитеру и одним ловким движением выбил револьвер. Наган, описав широкую дугу, нырнул в бассейн, где Протасов и Леха сцепились не на жизнь, а на смерть. Обезоруженный Черный Свитер предпринял неудачную попытку выхватить нож с выкидным лезвием, но тот застрял в предательски узком кармане. Тесные карманы – ахиллесова пята джинсов, ничего тут не поделаешь. Черный Свитер утратил драгоценные секунды и был немедленно наказан Атасовым. Не оставив противнику ни единого шанса, Атасов выдал великолепную связку из десяти сокрушительных ударов. Кулаки Атасова поражали корпус Черного Свитера с методичной точностью снарядов артиллерийской батареи, пристрелявшейся по зловредному дзоту. Свитер, дергаясь при каждом попадании, пытался к парилке, но не падал. Вопрос о том, держал ли он удар не хуже самого Кассиуса Клея,⁸ либо был просто под завязку наполнен героином, так и остался открытым.

Атасов удвоил усилия, молотя по Черному Свитеру, как по боксерской груше и, несомненно, добил бы его рано или поздно, если бы сам не подвергся внезапному нападению Лысого, успевшего покончить с Армеецем. Лысый яростно вращал тесаком, наводившим на мысли о разделочном цеху какой-то китобойной плавбазы.

* * *

Прошло не более пяти минут, как Василий Бонасюк отпер дверь. Баня превратилась в поле боя. В воздухе висел пороховой угар, слышались удары и вопли. Никем не замеченный Андрей Бандура оставался в тесноте душевой кабины. Он прижимал к груди чертовы банки с пивом и напрягал уши с жадностью хоккейного фаната, следящего за ходом матча по радио. Андрей понимал, что пора на выход, но ногиточно приклеились к полу. Наконец, он опустил пиво с нежностью матери, укачавшей грудного ребенка, и осторожно высунул нос наружу.

Первой ему бросилась в глаза исполинская фигура Протасова. Валерий орудовал в бассейне и был похож либо на разъяренного Посейдона, либо на внезапно соскочившего с катушек ватерполиста. Какое-то существо отчаянно рвалось на поверхность, а Протасов всячески препятствовал.

⁸ Настоящее имя Мухаммеда Али, многократного чемпиона мира по боксу в супертяжелой весовой категории

Перед дверью парилки в позе пораженного солнечным ударом нудиста, уткнувшись носом в мрамор, беспомощно лежал Армеец.

Чуть поодаль, разбросав конечности в разные стороны, в луже собственной крови плавал какой-то парень. Между ним и Армейцем валялся пистолет, здорово смахивающий на ТТ.

В самом углу зала Атасов, с раной на плече, отбивался от двух бандитов. Из раны текла кровь, силы Атасова были на исходе. Бандиты напирали с ожесточением голодающих, завидевших дармовой буфет. Атасов, как и легендарный крейсер «Варяг», намеревался умирать, но не сдаваться. Заметив краем глаза высунувшегося из душевой Андрея, Атасов крикнул голосом, срывающимся от ежесекундно принимаемых и возвращаемых ударов:

– Бандура... дебил... Мать твою! Что ты смотришь?! Меня же сейчас... умочат...

Андрей в два прыжка пересек зал, подхватил на ходу ТТ и с маху опустил его на голый череп Лысого. Лысый громко хрюкнул и обернулся с видом человека, которого укусила оса.

Используя пистолет в качестве кастета, Андрей нанес второй удар, попав Лысому в бровь. Лысый отшатнулся, врезавшись в плечо Черного Свитера, но даже не выронил тесак.

– Стреляй, Бандура, стреляй! – Во все легкие заорал Атасов, после чего оба бандита обратились в паническое бегство. Они бросились в разные стороны с проворством мартовских котов, застигнутых врасплох струей воды из окна.

Черный Свитер метнулся в парилку. Атасов, рыча как лев, прыгнул следом, и они скрылись за дверью.

Глянув вслед Лысому, нетвердым бегом удалявшемуся в сторону выхода, Бандура не целясь, нажал курок. Прогредел выстрел, затвор клацнул и выплюнул гильзу. Лысый вскинул руки, дернулся, сделал несколько шагов, как лунатик, и повалился в фонтан, бьющий посреди холла.

Андрей разжал пальцы, и пистолет с металлическим лязгом упал на кафельный пол. Руки Андрея дрожали.

Внезапно из парилки донесся крик, от которого волосы на голове Андрея дружно встали дыбом. Крик резко оборвался, сменившись омерзительным шипением, какое обычно издает жарящееся на сковородке сало.

Из бассейна, фыркая и отплевываясь, выбрался Протасов. Его противник остался на дне. Для того чтобы стать полноценной жертвой кораблекрушения, Лехе не доставало теперь лишь неторопливо проплывающих над ним рыбок.

В дверях парилки появился смертельно бледный Атасов:

– Эй, Бандура, иди, поможешь снять этого козла с каменки, пока, типа, со всего района бомжи на шашлыки не сбежались.

Андрей потянул носом, вспомнил покойную бабушку, частенько обжигавшую куриные тушки на газовой плите их сельской кухни в Дубечках и резко сложился пополам. Его шумно вырвало.

Из холла выглянул Бонасюк, продолжавший зажимать руками кровавую рану на голове.

Атасов скользнул взглядом по опустившемуся на колени Андрею, безнадежно махнул рукой и бросил Протасову:

– Валера, дуй, типа, сюда.

Из оцепенения Бандуру вывел Армеец. Эдик подал первые признаки жизни. Андрей, пошатываясь, поспешил к нему и помог усесться, опершись спиной о стену. Выглядел Армеец не очень.

* * *

В течение следующих двадцати минут Протасов, притащив из джипа аптечку, которой бы позавидовал и Бандура-старший, обработал и перебинтовал раны, полученные Атасовым в

плечо, Армейцем в затылок и Бонасюком в лоб. Наблюдая за Валерием, действующим с профессионализмом хирурга из травмопункта, Андрей в изумлении открыл рот. Протасов добродушно ухмыльнулся:

– Дурила, я ж инфиз заканчивал, так что... Ты это, давай, в натуре, помогай Атасову.

Атасов, первым получивший неотложную медицинскую помощь, занялся, по собственному своему выражению, приборкой территории.

– Типа попарились. Давайте теперь выгребать дерьмо из авгиевых конюшен.

Вывернув карманы нападавших и обнаружив ключи от «Победы», Атасов подогнал ее прямо под дверь сауны. Бандура, назначенный Атасовым в похоронную команду под номером один, еще раз глянул на Лысого. Лысый ничком лежал поперек чаши фонтана. Можно было подумать, что Лысый играет роль героического боцмана, затыкающего грудью пробоину в корабельном трюме. Только Лысый ничего такого не играл, а дыра у него в спине была совершенно реальной. Бандуру снова вырвало.

Армеец хлопнул Андрея по плечу и взялся помогать Атасову. Вдвоем они закинули трупы на заднее сиденье «Победы». Туда же полетело трофейное оружие. Теперь Протасову предстояло отогнать машину подальше, чтобы окончательно спрятать концы в воду и в прямом, и в переносном смысле.

– В озеро их к чертовой бабушке и бегом, типа, обратно, – напутствовал Протасова Атасов.

По всему было видно, что задание Атасова у Валерия не вызвало ни малейшего энтузиазма. Он немедленно поругался с Армейцем, напирая на тот факт, что совсем не представляет, «как управлять этой долбаной развалюхой».

– Если ты, Эдик, в натуре, соображаешь, как тут передачи втыкать на руле, блин, так и лезь в это гребаное корыто. Я лучше за тобой поеду.

Протасов с Армейцем укатили, посоветовав оставшимся к своему возвращению вылизать сауну.

В последовавшей уборке Бандура участия не принимал. Он сидел, обхватив голову руками, возле входной двери. Так что вся нагрузка легла на плечи Атасова и Бонасюка.

Атасов работал молча, не обращая ни малейшего внимания на рану. Та сильно кровоточила, и вскоре вся повязка, наложенная Протасовым, стала ярко-красной. Атасову было плевать. Сильную кровопотерю он восполнял, регулярно прикладываясь к бутылке.

Бонасюк же, напротив, жаловался на головокружение и просто исходил потом. Будущее рисовалось Вась-Васю далеко не в розовых тонах.

– Ох, плохо мне, поистине, ох, сцю я...

Бесконечные причитания Вась-Вася вывели Атасова из себя. Терпение его лопнуло, и он пообещал немедленно пристрелить Бонасюка, если тот, *типа*, не заткнется:

– Так и врекаю своею рукой, Васек! – взорвался Атасов, – где четыре трупа, там и пять. Без разницы. Я еще, типа, разберусь, кто навел на нас этих отморозков. Может, ты, типа, навел?

После этого инцидента Бонасюк с головой погрузился в работу и махал веником с энтузиазмом, которым бы удивил и Алексея Стаханова.

Армеец с Протасовым вернулись минут через двадцать.

– Что-то вы быстро, типа, управились? – недоверчиво прищурился Атасов.

– Этот и-идиот, – Армеец постучал пальцем по виску и кивнул в сторону Протасова, – утопил «Победу» прямо тут, в озере, под же-железнодорожно-дорожным мостом. Я бы даже сказал, что это не озеро, а лу-лу-жа.

Атасов позеленел от злости:

– Ты что, типа, дурак, Протасов?

– А ты, в натуре, думал, что мы, с полной машиной жмуриков, через КП попрядемся? В первом часу ночи? Совсем, Атасов, охренел?

– Ладно, ребята, – Атасов махнул рукой, – поехали ко мне домой. Посидим, выпьем. В баньке, типа, попарились, так что – самое время. Поговорить, кстати, тоже есть о чем. – С тревогой покосившись на Андрея, Атасов налил водку в стакан:

– Дерни, давай, а то чересчур ты, типа, зеленый.

Андрей опрокинул стакан, чувствуя, как искусственное тепло волнами разливается по телу и думая о том, что изобретая водку, Дмитрий Менделеев знал что делал.

Как частенько бывает после сильнейшего нервного стресса, Андрея неудержимо клонило ко сну. Кроме того, он ведь толком и не ел с того момента, как в последний раз обняв отца, сел за руль желтой «тройки».

Так что, когда Протасов остановил джип перед пятиэтажной сталинкой на улице Ванды Василевской, в которой жил Атасов, Андрей крепко спал на заднем сидении машины.

Глава 4

РЭКЕТИРЫ И БЕСПРЕДЕЛЬЩИКИ

Сергей Украинский стоял на балконе своей квартиры, тяжело опершись на перила. Напряженно вглядывался в великолепную картину нежащегося в ярких солнечных лучах города и пытался понять, что же тут не так. Проживал Сергей Михайлович на Березняках, в относительно новой шестнадцатизэтажке, возведенной прямо на берегу. Квартира размещалась на последнем этаже, окна выходили на Днепр, так что вид открывался – дух захватывало.

– Эх, мне бы поэтом родиться, – любил повторять Украинский на первых порах, пока красота не приелась.

Но, как бы там ни было, выходить на балкон, – *«глотнуть свежееговоздуха»*, вошло у него в привычку. *«Никаких выхлопных газов, никаких соседей напротив, которые, кажется, вечно торчат за своими окнами, и стали привычной телевизор. Ты их изучил за этими окнами до дурноты, а встретишь на улице, не узнаешь вовсе»*.

Итак, полковник стоял на своем балконе, любовался панорамой правого берега Днепра и пытался понять, что же здесь не так. Что-то было не так, Украинский за это поручился бы, но вот что именно, – *«черт его знает»*. Безотчетная тревога угнездилась где-то в глубине подсознания, и потихоньку усиливалась. Объяснить это чувство Украинский не мог.

В город пришла весна. Зеленые кроны укрыли холмы – *«конец мая, все по графику»*, крыши домов терялись среди листвы, как шляпки подосиновиков во мху. Днепр переливался тысячей бликов, а по небу бежали облака. И во всем этом великолепии ощущался какой-то подвох.

Я нутром чую, – сказал Сергей Михайлович, и голос его заскрипел, словно старая якорная цепь. Пытаясь мучительно разобраться, *«что же, в конце концов, происходит»*, Украинский почему-то вспомнил о рисунках-загадках, обожаемых некогда единственной и любимой доченькой Светой. Рисунки печатались «Веселыми картинками» – замечательным детским журналом, который он выписывал для Светы на протяжении добрых пяти лет. Давно это было, ох, давно. Украинский приходил со службы поздно, но если дочурка не спала, они устраивались на диване с «Веселыми картинками»⁹ в руках. Светка корпела над любимыми рисунками-загадками *«найди в них пять отличий»*, а Украинский сидел рядом, помогал, чем мог, и чувствовал, как куда-то испаряются накопившиеся за день усталость и злость. Так уж вышло, что «Веселые картинки» стали для них одной из невидимых тонких ниточек, связывающих их воедино. Тех самых ниточек, на которых, по большому счету, держится все мироздание.

– Ох, и славное времечко было, – сообщил полковник пустому балкону. – Такое славное, даже и не верится.

Сергей Михайлович вернулся к созерцанию панорамы города.

«Найди пять отличий».

«Не можешь пять, найди хотя бы пару. Пара подойдет».

Он посмотрел на канатную мачту Южного моста, едва различимую за жирной черной линией железнодорожного, отметил с облегчением, что ТЭЦ-5 на месте, небо чадит. Вот и хорошо, будет горячая вода в домах горожан. Выдубецкий монастырь – звездочек на куполах не видать, может, перекрасили? Он давно не присматривался.

Поворачивая голову слева направо, вдоль горизонта, Украинский с удивлением обнаружил, что шея одеревенела, превратив голову в башню танка на жестоко переклиненных шарнирах. *«Или я сплю, или пора что-то делать с остеохондрозом»*, – подумал Украинский мрачно.

⁹ Детский юмористический журнал «Веселые картинки», издательство «Молодая гвардия» ЦК ВЛКСМ, выходит с 1956

Недружелюбная фигура Матери-Родины,¹⁰ задрывая вверх обе исполинские руки, тоже никуда не сбежала. Купола Лавры, примерно в том виде, в каком их наблюдал и Батый, подступая к городу со своей несметной ордой. – *«Ну, или не совсем в таком, какая, всушности, разница? Есть Лавра? Так точно. Поехали дальше».* – Пик стеллы в парке Славы скрыт зеленеющими во всю деревьями. Гостиница «Салют» – *«есть такая»*, за ней верхние этажи «Киева» – *«торчат, как бы из-за бугра».*

«Не отель, а рассадник депутатов». – Ухмыльнулся Сергей Михайлович.

Правее и ниже отеля – верхушка пешеходного моста, переброшенного с набережной на Труханов остров. Не будь моста, не видать бы горожанам пляжа.

«Эх, пляж-пляж. Вот хорошее словечко. Тысячу лет не выбирался...»

Неожиданно до Сергея Михайловича дошло, что по мосту никто не идет. Видеть он этого не мог, расстояние было изрядным, но знал наверняка. Может, шли только что, болтая и улыбаясь, попивая тоник или колу, теперь же мост опустел, как кратер на Луне. И не только мост. Покрывшись липким потом от внезапной догадки, Украинский попытался снова взглянуть на Лавру, но это оказалось невозможно. Слово чья-то невидимая рука мягко, но с неумолимой силой, взяла его за затылок, не позволяя даже шелохнуться.

«Что за ерунда?»

Приложив невероятные усилия, полковник все-таки развернулся, ощущая себя Железным Дровосеком из сказки Волкова, угодившим под кислотный дождь. Глянув на мост Патона, Украинский открыл рот. Хотел сесть, да ноги не гнулись. Вереница машин и трамваев застыла неподвижно. Свежий утренний ветер дул в лицо полковнику, шевеля волосы, но там, внизу, город будто замер. Небо оставалось чистым, а облако дыма, венчающее трубы ТЭЦ, казалось теперь дорисованным мелом поверх бирюзовой пастели. Под изумленным взглядом Сергея Михайловича панорама города, все более утрачивая реальность, превращалась в огромную, мастерски изготовленную диараму. Стала походить на живую картину, виденную Украинским с балкона тысячу раз примерно так, как чучело волка из палеонтологического музея походит на несущегося по лесу живого зверя.

– Бред сивой кобылы! – заявил Сергей Михайлович, но спокойней ему не стало. Испытывая тошнотворные приступы паники, он опустил глаза к перилам, чтобы поглядеть, что, в таком случае творится под домом. Лучше бы не смотрел. Змейки тротуаров показались ему слишком тонкими, крыши припаркованных машин – чересчур маленькими. Более того, они постепенно удалялись, будто Сергей Михайлович смотрел на них, не свесившись через перила своего шестнадцатого этажа, а, к примеру, из гондолы набирающего высоту стратостата. Он высунул голову дальше, все еще не веря глазам, и с ужасом обнаружил, что ровные кромки балконов под ним куда-то исчезли. Нижние этажи, с первого до пятнадцатого, словно растворились в воздухе.

Волосы Сергея Михайловича зашевелились от животного страха. Он открыл было рот, но крик застрял в горле, тело парализовало.

«Вот, значит, каково пришлось бедолаге Волку Ларсену¹¹», – еще подумал полковник, и тут медленно уплывающая из-под ног земля прыгнула в лицо. Слово он, глядя в видеоискатель фотокамеры, резко приблизил объекты внизу, так, что стали видны желтые головки одуванчиков на полянке у подъезда и смятая сине-белая пачка «Ротманс», которую какой-то шалопай бросил мимо мусорного бака. Полковник ахнул, решив, что вывалился и летит навстречу земле с выпученными глазами. Он зажмурился, ожидая удара.

Ничего. Он стоял на балконе.

¹⁰ Монумент из стали «Родина-мать» в Киеве создан по проекту Е.Вучетича, В.Бородея, Ф.Сагояна, В.Винайкина, В.Елизарова и др. Высота скульптуры 62 м, общая с постаментом – 102 м. Вес около 450 тонн

¹¹ Один из главных персонажей романа Джека Лондона «Морской волк»

Собрав волю в кулак, полковник оторвался от перил, толкнул плечом дверь и ввалился в кухню своей квартиры. И сразу оказался в гуще ароматов готовящегося обеда. Запахи шли отовсюду: жареной картошки с луком – от плиты, овощного салата – со стола, душистого кофе – из кофеварки. Запахи стояли так плотно, что казались осязаемыми. *«Плотнее пассажиров метро в час-пик»*, – подумал Сергей Михайлович, представив, как они толкаются друг с другом, отвыкая пространство в его, Украинского, носу. Полковник тяжело осел на табурет, чувствуя себя после дурманящей свежести балкона рыбой, заточенной в давно нечищеном аквариуме. Зато аквариум никуда не летел, Сергея Михайловича это устраивало. – *«Еще как!»* – Дрожащей рукой, боясь обернуться к окну, он потянулся за шторой. Штора почему-то отсутствовала.

– Лида, ты опять, что ли, занавески стираешь? – спросил он жену. Супруга корпела над раковиной в дальнем углу кухни. Она стояла спиной, в халате, подаренном им года три назад, к Восьмому марта, кажется. Судя по методичным движениям локтей и характерным звукам, доносившимся из-под крана, жена чистила рыбу. Тело Сергея Михайловича наполнилось приятным чувством безопасности и уюта, потому что никто никуда не летает в своей кухне, сидя за столом перед тарелкой ухи. Он ощутил непреодолимое желание подойти сзади к жене и нежно поцеловать в затылок. Уже начал подниматься из-за стола и окостенел, сраженный внезапной догадкой: *«А может, она не знает? Стоит здесь, потрошит дурацкую рыбу, и ни черта не знает, как мы летим повоздуху?»* — Украинский перевел дыхание. Оборачиваться к окну он даже не думал. Еще чего...

– Лида?

Жена молча трудилась над рыбой, – *«по уши в работе»*.

«Правильно!» – Украинский уткнулся в ее лопатки недружелюбным взглядом. – *«Совершенно ничего не знает. Никогда ничего и не хотела знать. Ни про то, что мне довелось пережить, карабкаясь по служебной лестнице, ни каким макаром дочка поступила в академию, ни про котлы, в которых пришлось вариться, чтоб появились шмотки, квартиры, машины, дачи и прочее, прочее барахло. Ни о том, что кошелек не резиновый, а баксы не растут на деревьях. Ни о том, почему по вечерам топил душу в водке. Точнее пытался, так как топить-то, в сущности, стало нечего, – все с потрохами давно купил Поршайло»*.

«Рыба-прилипало, вот ты кто!» — сжал кулаки Украинский.

Жена ничего не замечала. Низко согнулась к раковине и колдовала над своей рыбой.

«Хоть башку туда засунь», – раздраженно думал Сергей Михайлович, – *«когда мне понадобится кухарка, я ее найму»*.

Сергей Михайлович резко подался вперед, смахнул со стола кухонную утварь и сказал хрипло:

– Просрала Родину, Лида.

И замер, сраженный столбняком, потому что женщина, наконец, обернулась. Вместо Лиды Украинской перед ним была Мила Сергеевна Кларчук, сложившая губки в насмешливой улыбочке: *«Ну, как тебе, полковничек, эта новая хохмочка?»*

Мила двинулась к Украинскому, широко расставив руки, еще немного, и полностью бы скопировала Родину-Мать. Длинные ухоженные пальчики выпустили освежеванную рыбью тушку, и та плюхнулась на пол с омерзительным шлепком. В правой Мила сжимала нож. С широкого лезвия капала темная рыба кровь, оставляя на линолеуме безобразного вида лужицы.

Поясок халата скользнул к ногам Милы Сергеевны, на которых красовались новые красные тапочки Лиды Украинской. Полы халата разошлись в разные стороны, предоставив Сергею Михайловичу возможность полюбоваться ложбинкой меж двух упругих грудей, нежными розовыми сосками, плоским животом и маленькими круглыми коленками. Лифчик и трусики Мила, очевидно, забыла дома. Ее до странности голубые глаза, из-за сделавшихся огромными зрачков, показались полковнику бездонными.

«В таких и утонуть недолга».

Мила возбужденно дышала, ее живот напряженно вздымался и опадал, отчего голова Сергея Михайловича скоро пошла кругом. Рот наполнился слюной. Он с хрустом сглотнул, чувствуя, что едва не подавился.

«Такой я тебя и представлял, крошка, а ведь представлял, и не раз, себя-то к чему обманывать».

– Хочешь меня, да? – от ее завораживающего голоса, с почти неуловимой хрипотцой, полковника бросило в жар. Мила приблизилась вплотную, тонкий аромат духов смешался с запахом свежей рыбы.

– Хочешь, да?

Не успел полковник ответить «ДА», в воздухе просвистел нож. Тонкое длинное лезвие по самую рукоятку вошло в грудь полковника. Украинский жалобно закричал, попробовал отпрыгнуть и вжался в спинку кухонного уголка. Мила будто обезумела. Она наносила удар за ударом, Украинский страшно мычал, а острое стальное лезвие раз за разом вспарывало кожу, протыкая внутренности.

От былого завораживающего голосочка Милы Сергеевны не осталось даже и тени.

– Предать нас решил, мразь?!

Украинский повалился на бок, извернувшись угрем, пнул Милу ногой. На ноге оказался кирзовый армейский сапог. Откуда взялся сапог – оставалось только гадать, Сергею Михайловичу было не до загадок. Подбитая гвоздями подошва угодила в обнаженный живот женщины. Она со вскрипом перелетела кухню и врезалась спиной в холодильник, сдвинув его с места. С полок посыпались продукты, закупленные Лидой Украинской на неделю вперед. Мила взвилась, как раненая пантера и прыгнула обратно, вращая над головой ножом. Нож, руки и живот Милы были заляпаны кровью.

«Это же моя кровь, – с убийственной четкостью осознал Украинский. – Это Моя Кровь, стерва!»

В ладони появился пистолет, штатный ПМ, полностью готовый к бою. Украинский, не колеблясь, нажал курок. Руку дернуло, Милу снова отбросило к холодильнику, и она съехала на линолеум. В кучу разбросанных по полу йогуртов, кусков сыра и палок сырокопченой колбасы. Кефир из лопнувшей упаковки окрасился кровавыми брызгами. Халат полностью слетел с Милы Сергеевны, очутившись на голове.

Украинский порывисто вскочил, думая только о том, что же теперь говорить Поришайло, и что скажет (сделает) сам Артем Павлович, когда узнает... Холодный пот градом катил по спине Сергея Михайловича, скапливаясь в том месте, где упругая резинка трусов глубоко врезалась в кожу.

«Скоро и трусы намокнут, чтобы ты не сомневался».

Нагнувшись над подрагивающим телом Милы, – *«агония у нее, что ли?»* – и ни на секунду не забывая о пистолете, Украинский ногой перевернул женщину на спину.

И издал душераздирающий вопль, потому что с пола на него смотрели стекленеющие карие глаза Светочки – любимой доченьки, умницы, студентки второго курса Академии управления и, вообще, пожалуй, единственного живого существа, ради которого он готов был вариться в этой каше.

Разум Сергея Михайловича взорвался водопадом мыслей. Большая часть шла мутным бессвязным потоком, полным горечи и безысходного отчаяния.

«Господи, что же я наделал?! Что я наделал?! – Украинский вцепился в волосы. – Звони в «ОЗ»... Нет, не дозвонишься... А дозвонишься, не дождеешься! Сам, сам повезу... Пара минут есть...»

«Нет у тебя никаких минут! Поздно... Слишком поздно...»

Света глубоко вздохнула и широко открыла глаза. Украинский все понял, а, поняв, страшно закричал. Запустил руки под коленки и спину дочери, – *«только не умирай, ну пожа-луйста, не умирай!»*, – *прижал к груди*, – *«Господи, как пушинка ведь!»* – судорожно повернулся вокруг оси, в поисках ключей от машины, и нечаянно глянул в окно. Про гондолу стратостата Украинский давно забыл. И напрасно. Там, за окном, вечерело. За поросшими унылым ред-колесьем сопками величественно серебрилась река, полноводная, как море. Украинский стал как вкопанный, с головой, недоверчиво склонившейся на бок, вглядываясь в бескрайнюю гладь Амура, такого невероятно широкого, что противоположный китайский берег терялся в висящей на горизонте дымке.

«Какой к матери Амур?!» – выкрикнул Сергей Михайлович и неожиданно ощутил облегчение. – *«Да это же сон. Вот в чем дело. Сон. Фух... Уф... Паскудный и дурной сон. Кошмар, иными словами».*

«Это меняет дело!»

Внезапно дом покачнулся. Стекла лопнули и разлетелись мелкими осколками. Украинский обнял дочурку, пытаясь защитить телом. Затрещали, исчезая, дверные коробки, а потом с ужасающим стоном начали оседать бетонные перекрытия. Пол ушел из-под ног. Украинский полетел вниз в лавине кирпичей, обломков мебели и железобетона, с торчащими во все стороны кусками арматуры.

«Сейчас я проснусь, и точка», – заверил себя Сергей Михайлович, и сознание из него выпорхнуло.

Он очнулся на холодном полу. Вокруг стояла крошечная тьма. Было сыро и промозгло, полковник продрог до костей.

«Это что? Это подвал или ад? Может быть, это морг? Все что угодно, но только не моя спальня».

Он пополз по полу. Просто вперед, без всякой цели, как раздавленная на дороге собака. В щиколотках пульсировала боль. Повернув голову, Сергей Михайлович обнаружил, что ног больше нет. В том месте, где недавно располагались волосатые щиколотки, из армейских галифе торчали два окровавленных огрызка.

«Что-то болит слабовато?» – противоестественно меланхолично отметил Украинский, – *видать, у меня афффект...*

Он полз целую вечность, поражаясь своей выносливости, – *«давно бы пора отключиться, ноги потерять, это все же не порезаться бритьей»*. Впрочем, судить о времени ему было сложно. Сколько минут (часов) истекло, знал один Господь. Наконец Украинский оказался в большой комнате, тесно заставленной железными двухъярусными кроватями. Кровати выстроились в безукоризненные шеренги. Под каждой, как боевые расчеты перед машинами, застыло по две пары армейских кирзовых сапог, с портянками, намотанными поверх голенищ. Комнату освещал мертвый лунный свет. Пол стал липким. Украинский поднес ладонь к глазам:

«Черная. Это что, кровь?»

Теплая тугая капля упала ему на лоб. Он сдавленно вскрикнул и с трудом поднял голову. Кровати, к нарастающему ужасу полковника, оказались забиты трупами солдат, – *«Ну, не балерин же»*, – застигнутых смертью врасплох. Судя по всему, смерть пришла к служивым во время сна. Разглядывая свешивающиеся с матрасов безжизненные руки, ноги и головы, он вдруг отчетливо понял, куда попал, и попробовал закричать, но вышло одно бульканье.

Казарма погранотряда, его погранотряда, вырезанного китайскими диверсантами глухой июньской ночью 1968-го года, хранила гробовое молчание. Китайцы прокрались в расположение отряда, бесшумно сняв часовых, и никто из пограничников не увидел следующего утра. Если со знанием дела воткнуть автоматный шомпол в ухо спящему человеку, шомпол выско-чит из другого уха раньше, чем человек откроет рот. А диверсанты свое дело знали. Случилось

это месяца через два после того, как младший сержант Украинский отбыл в Москву поступать в школу КГБ.

Стремясь как можно быстрее убраться из этой ужасной комнаты, пропитанной запахами крови, мертвечины и портянок, Украинский выполз в коридор. Он тяжело перевалил приступку, оставляя за собой жирные багровые полосы. Дверь в Ленинскую комнату была распахнута настежь. Украинский дополз до порога и заглянул внутрь. На одной из стен поверх политической карты мира образца 68-го года, словно жук из коллекции орнитолога, висел какой-то человек.

Голова его завалилась на левый погон. С правого поблескивали три маленькие офицерские звездочки. Из локтей и коленей офицера торчали шляпки гвоздей, по размеру близких костылям с железной дороги. Левая нога распятого была обута в сапог, правая – в одной портянке. Бурые потеки на стене переходили в густую лужу на полу. Кровь уже засохла.

«У нас в отряде восемь офицеров было... – пришло на ум Украинскому. – Командир – раз, замполит – два...»

Вдруг голова офицера качнулась из стороны в сторону и начала подниматься. Но Украинский не закричал. Вероятно, он уже миновал какой-то внутренний барьер, после которого ему все стало безразлично.

– Товарищ старший лейтенант?! – беззвучно прошептал Сергей Михайлович, в ужасе узнав начальника особого отдела погранотряда. Того самого офицера, что разглядел в младшем сержанте Украинском будущего чекиста. – Товарищ старший лейтенант?!

Глаза покойника уставились на Сергея Михайловича.

– Просрали Родину, боец, – глухо сказал старлей.

Неожиданно тишину Ленинской комнаты разорвал телефонный звонок.

– Наши!..

Магическое слово *«наши»* наполнило сосуды Украинского новой порцией адреналина. *«Только дотянись до трубки и позови на помощь. Только дотянись и позови – и они сейчас же придут»*. Как в рассказе о военной тайне. Наши! Он рванул на звук звонка, как умирающая от голода змея за подраненной куропаткой, и уже коснулся пальцами черного эбонита трубки, когда кто-то схватил его за плечо. Схватил и затряс. Украинский заорал как человек, падающий живьем в горнило мартеновской печи, и попытался вырваться.

– Сережа! – голос жены доносился откуда-то издалека, еще сонный, но уже несколько испуганный, – Сережа?!

Украинский открыл глаза. Он лежал в своей кровати мокрый от пота до такой степени, что можно было заподозрить все что угодно.

– Сереженька? Да что с тобой?

Украинский резко сбросил одеяло, ожидая увидеть кровавые обрубки вместо ног. *«Нет! Ноги, как ноги. Не манекенищцы, конечно, зато свои. Целые и невредимые. Сорок лет пронесли, и еще послужат»*. Он с удовольствием пошевелил пальцами. И тут горло засадило от страха:

– Светка!!! Лида? Где Светка?

Лида смотрела на мужа с изумлением.

– На тебе лица нет...

– Где Светлана?!

– Да у подруги, Господи. У Марины. Ты что переполошился? Вчера вечером позвонила, отпросилась на ночь. Я тебя и будить не стала, ты как из управления приехал – сразу спать завалился... – жена выглядела растерянно. Тонкий батистовый пеньюар открывал еще привлекательную пышную грудь, волосы на голове смешно торчали во все стороны после сна, на щеке розовел след от подушки.

«Значит, все же сон...» – Украинский точно вновь родился.

– Плохой сон приснился? – сочувственно спросила жена.

– Похоже на то... – Украинский потрепал ее по голове, – все в порядке.

– Тогда возьми телефон, – Лида опустила на подушку.

– Какой телефон?.. – только теперь до полковника дошло, что в прихожей битый час надрывается телефонный аппарат.

– Сережа, возьми трубку, ладно? – Лида сладко зевнула. – Дай поспать. Все равно тебя. Кто мне додумается звонить в восьмом часу утра, да еще в субботу? – жена перевернулась на другой бок, решительно потянув за собой одеяло.

Украинский встал с кровати, норовя с одного захода попасть в тапки обеими ногами, потерпел фиаско и двинулся к телефону босиком. По пути зацепил плечом косяк, чертыхнулся и взялся за трубку, потирая ушибленное плечо:

– Алло?

– Сергей Михайлович, доброе утро, – бодрый и свежий голосок Милы Кларчук прозвучал из динамика так звонко, словно она была рядом. – *«Ну да, она же на кухне»*, – мелькнуло у полковника в голове.

– Доброе утро, Мила, – *«Жива все-таки»*, – Украинский еще пережевывал сон.

– Не разбудила, Сергей Михайлович?

«Хм, да ты меня ночью едва не зарезала...»

– Даже не ложился еще, – ухмыльнулся Украинский, – «Сегодня я тебя едва не поимел, а затем все же решил, что правильнее будет тебя пристрелить», – работы было много, Мила Сергеевна.

– В таком случае, Сергей Михайлович, хочу вас огорчить, – спать вам уже не придется. – Голосок веселый, озорной, ни дать, ни взять, пионерка, кадрящая старшего пионервожатого, – нам необходимо встретиться.

«Так выходи с кухни. Какие проблемы?»

Украинскому вспомнилась невероятно реалистичная картина – дочь лежит на кухонном полу, карие глаза стекленеют. Шаловливое настроение увяло.

– Сергей Михайлович? Алло?

– Да-да, я слушаю, Мила.

– Около десяти утра вам удобно?

– Да, безусловно, – записав адрес и название кафе, в котором его будет поджидать Мила Сергеевна, Украинский повесил трубку. Постоял какое-то время в прихожей, раздумывая, а не завалиться ли в кровать хоть на часок. Отказался от этой мысли – целый день потом будешь чувствовать себя разбитым. Вообще говоря, Сергей Михайлович был самым настоящим жаворонком, да и служба не располагала к тому, чтобы продирать глаза к обеду. Однако, в последнее время, вставать ни свет, ни заря стало тяжело. Безрадостно как-то. Обреченно вздохнув – *«точно скоро помру»*, Украинский направился в кухню и залил воду в кофеварку. «Ровента» деловито заурчала, а он подумал: – *«хорошо, хоть за рубежом кто-то что-то изобретает, а то, ей Богу, сейчас бы дрова колот да котелок вешал на треногу»*.

Отхлебнув горячего кофе, Сергей Михайлович с сомнением поглядел на холодильник, но ни крови, ни дырок от пуль не обнаружил. Часть мозга, отвечающая за демонстрацию сновидений, никак не могла угомониться, и события, развернувшиеся на кухне во сне, продолжали казаться ему если и не реальными, то, по крайней мере, весьма смахивающими на действительность.

Покончив с первой чашкой кофе, Украинский вышел на балкон и с удовольствием вдохнул чудесный утренний воздух.

Эх, в отпуск бы, – мечтательно пробормотал полковник. Ему представился изумрудный морской простор, усыпанный белыми барашками волн. Отодвинув пустую чашку, Сергей Михайлович целеустремленно прошагал в ванную комнату и влез под горячий душ. Стоя под

струями вды, он напевал кальмановскую «Принцессу цирка». ¹² Голоса у него не было, слуха тоже, зато старался он от души.

Когда ровно в 9:30 утра, благоухая дорогим одеколоном и одетый с иголки, Сергей Михайлович вышел из подъезда и сел за руль припаркованного под домом «Мерседеса», ночные кошмары развеялись без следа.

* * *

Пока Украинского терзали кошмары, Андрей Бандура, тоже прирожденный жаворонок, дрых без задних ног в квартире Атасова на Шулявке. Жаворонок Андрея молчал, подавленный пережитыми накануне стрессами и несколькими стаканами водки, принятыми на пустой желудок. Когда, в конце концов, Андрей «разул» глаза, то обнаружил, что огромные напольные часы в дальнем углу комнаты показывают без четверти двенадцать. Из этого открытия неумолимо следовало, что с субботним утром, в принципе, покончено.

«Может часы того?» – предположил внутренний голос.

«Сам ты того. Такие часы не врут. Видал, маятник какой?»

Маятник имел впечатляющие размеры. Наблюдая за его размеренным шагом, Андрей нутром ощутил, как настоящее ежесекундно оборачивается прошлым. Он зажмурил глаза и натянул одеяло на голову. Пролежал в таком положении еще минут десять, ломая голову над вопросом:

«А куда же я собственно попал?» – но вразумительного ответа не было. После одиннадцати часов сна мысли в голове плавали с флегматичностью стаи крокодилов, обожравшихся толстым бегемотом. Затем Андрей поднял веки и занялся изучением приотлившей его комнаты. Тяжелая портьера закрывала окно с дверью на балкон, в комнате стоял полумрак. Сквозь узкую щель из-под портьеры пробивались солнечные лучи и гомон давно проснувшегося двора. Справа от окна, в полном теней углу, громоздился древний деревянный шкаф, похожий на башню средневекового замка. В верхней части шкафа помещались забранные стеклом окошки, живо напоминающие бойницы. Створки дверей были снабжены замочными скважинами. В замках торчали ключи такой величины, что их, пожалуй, не зазорно было вручить неприятелю при сдаче осажденной крепости.

Дальнюю стену комнаты украшал большущий ковер, на котором разлихацкая тройка неслась заснеженным лесом. Тройку преследовали зловещего вида волки. Второй ковер располагался над кроватью Бандуры и являл собой репродукцию картины кого-то из известных русских художников XIX века. На нем группа медведей бездельничала посреди поляны в сосновом бору. Бандура склонялся к Шишкину, ¹³ но спорить на деньги не стал бы. Под потолком висела люстра, вероятно, хрустальная. Высота самого потолка наводила на мысли о знаменитом некогда герое Сергея Михалкова дяде Степе – милиционере. Дядя Степа вполне бы мог жить в комнате, без риска ушибить макушку.

Неожиданно старинные часы разразились громким боем. Наступил полдень.

Пережив все двенадцать ударов, он вылез из-под одеяла, нырнул в тапочки и вышел в полутемный коридор. В воздухе стоял запах дорогих сигарет, приятный для носа Бандуры, привыкшего в Дубечках к дыму отечественной махорки. Миновав вешалку, тумбу с музейного вида телефоном и дважды споткнувшись о паркет, державшийся на честном слове, Андрей обогнул угол и вышел на кухню. В кухне Андрей застал Протасова.

Протасов стоял перед плитой в футболке и шортах таких кричащих цветов, словно только что сошел с плаката «Бермудские острова – рай на Земле», и жарил яичницу. Каким-то образом

¹² Оперетта известного венгерского композитора Имре Кальмана, (1882–1953)

¹³ Иван Иванович Шишкин (1832–1898) – российский художник-пейзажист, живописец, академик

Протасову удалось разместить в сковороде не менее половины лотка яиц. Теперь он испытывал определенные сложности, связанные с их прожаркой, но сдаваться, судя по своему бодрому виду, вовсе не собирался.

– Здорово, братан, – Протасов весело подмигнул. – А я думал, ты, в натуре, скопытался. – Справа от Протасова бурлила внушительная фритюрница, под стать самому Валерию. Удушливый смрад кипящего подсолнечного масла стоял в кухне повсюду.

– Доброе утро, – дружелюбно улыбнулся Андрей. Несмотря на устрашающий вид, здоровяк пришелся ему по душе.

– Каву пьешь? – Протасов мотнул головой в сторону кофеварки, стеклянная колба которой наполнялась тоненькой струйкой кипятка со звуками, весьма близкими стомам. – Вон вода, а банка «Нескафе» – в шкафу.

– Я только умоюсь.

Если комната, послужившая Андрею спальней, здорово отдавала далекой эпохой 60-х годов (если не более отдаленной), то санузел как будто материализовался из иллюстрированного каталога выставки последних сантехнических достижений. Собственно, так и было на самом деле. Отказавшись от первоначального намерения умыться и почистить зубы, Андрей зашел в душевую кабину. Полки над умывальником ломились одеколонами, лосьонами и гелями, стоявшими плотно, как гоплиты в древнегреческой фаланге. Краны выглядели роскошно.

– Я б здесь жил, – присвистнул Андрей. Облицовочная плитка казалась ему мраморной, ванная по форме напоминала чашу. В общем, санузел атасовской квартиры дал бы фору и бассейну Бонасюка.

Едва в мозгу всплыл достойный банщик и его частная сауна, последние прорехи в памяти Андрея заполнились, и события вчерашнего дня выстроились в один ряд.

– Лысый, – застонал Андрей. – «Лысый бежал к выходу, и Андрей, не целясь, нажал курок. Затвор клацнул, Лысый дернулся, прошел несколько шагов, как лунатик, а затем повалился в чашу фонтана...» – руки Андрея задрожали, желудок судорожно сжался. В глазах потемнело, и он переломился над умывальником, забрызгав голубой фаянс желто-зелеными каплями желчи.

Когда Андрей через двадцать минут вновь появился на кухне, было без четверти час. Побрившись, приняв душ и вывернув на голову половину флакона лучшего из атасовских одеколонов, он немного взбодрился. Протасов тоже не терял даром времени. Яичница стыла в тарелках, содержимое фритюрницы было выгружено, а она по второму разу заполнена свежим картофелем.

– Садись, давай, – здоровяк пододвинул Андрею порцию, которой тому вполне бы хватило дня на три-четыре, – кофе сам мешай. А то я, в натуре, не в курсе – крепко, некрепко. Атасов, к примеру, ложками жрет, а Эдик – *ах, Боже, мне побольше молока, го-го-голубчик...*

– А ты, Валера?

– А я, в натуре, одно молоко потребляю. А то инфаркт, знаешь, бац, и все дела.

Не успел Андрей запустить ложку в жестяную банку «Нескафе», как щелкнул входной замок, и на пороге возникли Армеец с Атасовым. Лицо Атасова просветлело, в сравнении со вчерашним. Он решительно пересек кухню, поздоровался за руку с Протасовым и тепло потрепал Бандуру по плечу.

– Здоров, мужик. Как, типа, спалось на новом месте?

– Спасибо, – Андрей немного смутился.

– Са-саня тебе выделил кабинет родного деда, та-так что цени. – Армеец, в свою очередь, поприветствовав Протасова и Бандуру, присел к столу.

– Валера, а мне с-сливок побольше, а?

– А мне четыре, типа, ложки...

– О, началось, в натуре. Я ж говорю, Андрюха, пошла дедовщина. Не успеешь банку притащить, беги по новой в ларек... – Протасов внезапно посерьезнел, – Саня, ну что там у нас?

Прошлой ночью, после того как Протасов на руках занес Бандуру в квартиру и уложил на кровать, приятели заперлись в гостиной и держали совет до трех часов утра. Первым вопросом обсуждались причины нападения на сауну, вторым – судьба Андрея Бандуры.

Прямо с утра Атасов связался с Правиловым, после чего вместе с Армейцем съездил за город, в гробарском направлении.

– У нас все нормально, – Атасов снова добродушно хлопнул по плечу Андрея, – с парнем все в порядке, с его машиной – нет.

Бандура недоуменно вытаращился на Атасова.

– Твою «тройку», похоже, зажилили местные менты. На запчасти, типа, или так – покаяться... С этим еще разберемся. Или по-другому как-то решим. Машина, брат, – большая фижня. Кусок железа, короче...

– Нормально... – Протасов негодуяще фыркнул, но было очевидно, что его настроение пошло в гору, – беспредел конкретный, Андрюха. Но ничего, блин. Мы тебе, в натуре, «бимер» подгоним, будешь летать, как все пацаны, – и на радостях подбросил в тарелку Андрея очередную порцию дымящегося картофеля. Поверх недоеденного Андреем.

Армеец, с чашкой кофе в правой руке, выразительно посмотрел на часы:

– Ребята, по-половина второго. Допивайте кофе и по коням.

– Э, подожди, – Протасов переправил в рот огромный кусок яичницы, – подожди, – продолжил он, работая челюстями, – а как те дебилы, которых мы вчера в бане порубали? Вы выяснили, кто они, блин, такие?

Не успел Армеец открыть рта, как из коридора раздалось цоканье когтей по паркету, и через секунду на кухню выскочило животное, отдаленно напоминающее собаку. Андрей, по крайней мере, таких собак в жизни не видел. Пес имел бочкообразное туловище, в деталях близкое к пороссячому, вплоть до озорного короткого хвоста, свернутого в задорную баранку. На туловище вращалась голова небольшой акулы, шея напрочь отсутствовала. Следует добавить, что вся конструкция ловко перемещалась по полу на четырех тонких и коротких ножках. Появление собаки на кухне было встречено приветственными возгласами Протасова:

– Иди ко мне, Гримуля. У меня кое-что есть для хорошего песика, – он подхватил со стола полную тарелку «фри».

Чудовище с радостным хрюканьем проскакало к Атасову и уткнулось розовым носом в его колени.

– Гримушка, – Атасов ласково почесал за ушами собаки. Собака ответила таким счастливым храпом, которому позавидовал бы и Лорд Вэйдер из «Звездных войн» Лукаса. – Валерий, твою мать, не давай ему жареной картошки, у него от подсолнечного масла понос.

– Может, «фри» и яд, в натуре, но до твоего «педи-гри» ему один хрен далеко, – возразил Протасов, но руку от тарелки забрал, под выжидающим взглядом Атасова.

– Ребята, бе-без двадцати два, в самом деле, – Армеец встал из-за стола.

Они уже выходили из квартиры, когда Протасов, замешкавшийся было в дверях, брякнул что-то о забытой магнитоле, проскользнул в кухню и опустил на пол полную миску «фри».

– Давай, рубай, в натуре, – хлопнув пса по мускулистому заду, Протасов вернулся в коридор и затворил за собой дверь.

Гримо, виляя во все стороны хвостом и хрюкая, как поросенок, нырнул носом в тарелку.

* * *

Слушай, Атасов, – Протасов повернул возле Охмадета¹⁴ и воткнул нейтралку. Джип покатился с горы к Воздухофлотскому путепроводу, – слушай, ну на черта ты мучаешь бедное животное этим своим конченным ошейником со свинцовыми гирями? – И, не дождавшись ответа, продолжал. – Нет, ты сам, конкретно, что, в армии здорово балдел, когда тебя заставляли сдавать кросс с автоматом и в бронезилете?

– А это что за небоскреб? – заинтересовался Андрей, разглядывая через голову Армейца появившееся справа здание. Троица дружно пропустила вопрос мимо ушей.

– Валерка? – Армеец щелбанами избавлялся от шерстинок, прилипших к брюкам после общения с Гримо. Выглядел он, как всегда, безупречно, – ты с-спрашивал о ребятах, с которыми мы схлестнулись вчера в бане?

– Ага, спрашивал, – Протасов вырулил на Борщаговскую, едва не переехав бабулю, неторопливо плетущуюся по белой зебре перехода. – Хочу найти того козла, что напустил на нас этих клоунов, и удалить ему гланды.

– Так вот, этих клоунов никто, типа, не знает, – Атасов щелчком выбил сигарету из пачки «Мальборо», – Правилон – ни сном, ни духом, хотя обещал, типа, разобраться... – Атасов глубоко затянулся и выпустил струю дыма в потолок, – короче, обычные беспредельщики...

– Ни хрена себе, обычные?! – Протасов свернул в Политехнический переулок, практически не сбавляя скорости. – Нас чуть не угрохали!

Протасов припарковал джип у метро. При этом маневре правые колеса внедорожника выскочили на полтротуара. Прохожие шарахнулись врассыпную, как стая испуганных голубей, но никто не посмел и рта открыть. Атасов, Протасов и Армеец направились к длинной шеренге коммерческих ларьков, протянувшейся от пятого учебного корпуса КПИ до станции метрополитена. Андрей остался в джипе. Изо всех четырех динамиков гремел Владимирский централ. Впрочем, не успела песня закончиться, как троица вернулась обратно.

– Заплати налоги и гуляй спокойно, в натуре, – хмыкнул Протасов, запихивая в бардачок объемистый пакет, набитый баксами самых разнообразных калибров.

– Давай, типа, в центр, – распорядился Атасов, и Протасов рванул с места так, будто участвовал в гонках Формулы-1.

Андрей испугаться не успел, как они уже катили в крайней левой полосе Брест-Литовского проспекта. Очевидно, медленно ездить Протасов просто не умел.

– А Бонасюк чего болтает? – поинтересовался Валера у Атасова, – есть вообще у жирного дурня хотя бы какие соображения?

– А Бонасюк, Валера, и-исчез, – особой тревоги в голосе Армейца не чувствовалось, – как корова языком слизала.

– Ударился, типа, в бега, – подвел итоги Атасов, – домашний телефон молчит, в бане – автоответчик, мобильный – вне досягаемости, – безуспешно пошарив по карманам в поисках зажигалки, он воткнул электрическую в гнездо прикуривателя, предварительно выдернув оттуда штепсельный разъем антирадара. Радар протестующе чирикнул и погас.

– Э-э! Е-мое! Ты чего приборы ломаешь? – возмутился Протасов. Антирадар был предметом его особой гордости, приобретенным Валерием – *у одного серьезного барыги с авторьинка, за три миллиона денег*. По утверждению самого Протасова, радар не просто обнаруживал на трассе замаскировавшихся гаишников, но и отправлял – *к бениной мамане их трахнутые «фары»*.

– Ты еще самонаводящиеся по лучу ракеты на джип прилепи, – посоветовал ему Атасов.

¹⁴ Республиканская детская больница

– Стоящая мысль, в натуре, только где их взять? – шутка Атасова пришлась Валере по душе.

– Задрал ты, типа, Валера, со своей любовью к цветным лампочкам. Мало тебе машину бомбят по ночам, так ты в нее снова разную муть засовываешь.

– Хочу, в натуре, и засовываю...

– Прикурить, типа, не от чего...

– Так и не кури. Себя, в натуре, травишь, и мы с Армейцем нюхаем. Скажи ему, Эдик!

– Я вот думаю, может, Васек знает, типа, от чего бегает? – как ни в чем не бывало продолжал Атасов, доброжелательно взглянул на Протасова и выпустил в его сторону огромное облако табачного дыма. – Может, он кому-то гадость сделал, а мы случайно под раздачу попали?

– Да кому он нагадить мог в своей долбаной баньке? – окруженный дымом Протасов скривил нос, бросил укоризненный взгляд на Атасова и врубил на полную мощность систему вентиляции, – кипятком кому-то жопу обварил? В бассейн написал перед сеансом?

– Не скажи, Валера, – Атасов задумчиво потер лоб, – ладно, приехали...

Как только «Ниссан-патрол» въехал на заасфальтированный круг возле конечной 2-го трамвая, вся операция, проведенная на КПИ, повторилась в точно той же последовательности. Атасов, Протасов и Армеец отправились к торговым точкам. Бандура, чувствуя себя младшим стажером многоопытных баскаков, двинулся вслед за ними, наслаждаясь прекрасным солнечным днем и вращая головой на сто восемьдесят градусов. Витрины ларьков были забиты всевозможным барахлом, начиная с подозрительно дешевых марочных вин, и заканчивая горами китайского ширпотреба.

Отдадим должное китайцам. Они, как и мы, жертвы марксизма. Не так-то, в общем и давно они, перефразируя Владимира Высоцкого, «...давили мух, рождаемость снижали, уничтожали воробьев...», то есть делали то, что положено делать при культурной революции, сродни нашим коллективизации и индустриализации. И вот, пожалуйста, – заполнили мир своими товарами с неумолимостью эпидемии гонконгского гриппа. Добрались до таких глухих дыр, какие и на карте с лупой не отыщешь.

Андрей задержался возле одной из витрин. Ларек предлагал часы, и от всемирно известных марок у Андрея зарябило в глазах. Цены, на удивление, не кусались. Андрей раздумывал, не сделать ли подарок отцу. Тем более что единственные часы отца, настоящие командирские, красовались на руке Андрея.

– Даже и не думай, брателло, – на плечо опустилась тяжелая рука Протасова. – В трамвай влезть не успеешь, как уже станут. Ну, на крайняк, до дому доедешь. Это фуфел такой – мрак... Пошли, в кафешку завалимся, а эти, – он неопределенно махнул рукой, подразумевая, очевидно, Атасова с Армейцем – попозже догонят...

Потягивая ледяную кока-колу (вот, черт ее знает, из чего намешана, а потеснила в те времена из наших стаканов любимый пращурами квас) через пластиковую соломинку, Бандура с восхищением поглядывал на громадину высотного дома, у подножия которого и примостилось кафе. На крыше многоэтажки белела сферообразная конструкция неведомого ему назначения. Облака быстро бежали по небу, отчего Андрею, выкрутившему голову под неправдоподобным углом, начало казаться, что многотонная башня из стекла и бетона вот-вот рухнет прямо им на голову. Андрей невольно зажмурился.

– Ага, блин. Балда закружилась? – понял его Протасов. – Так и не пялься, в натуре. Чего ты там нашел?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.